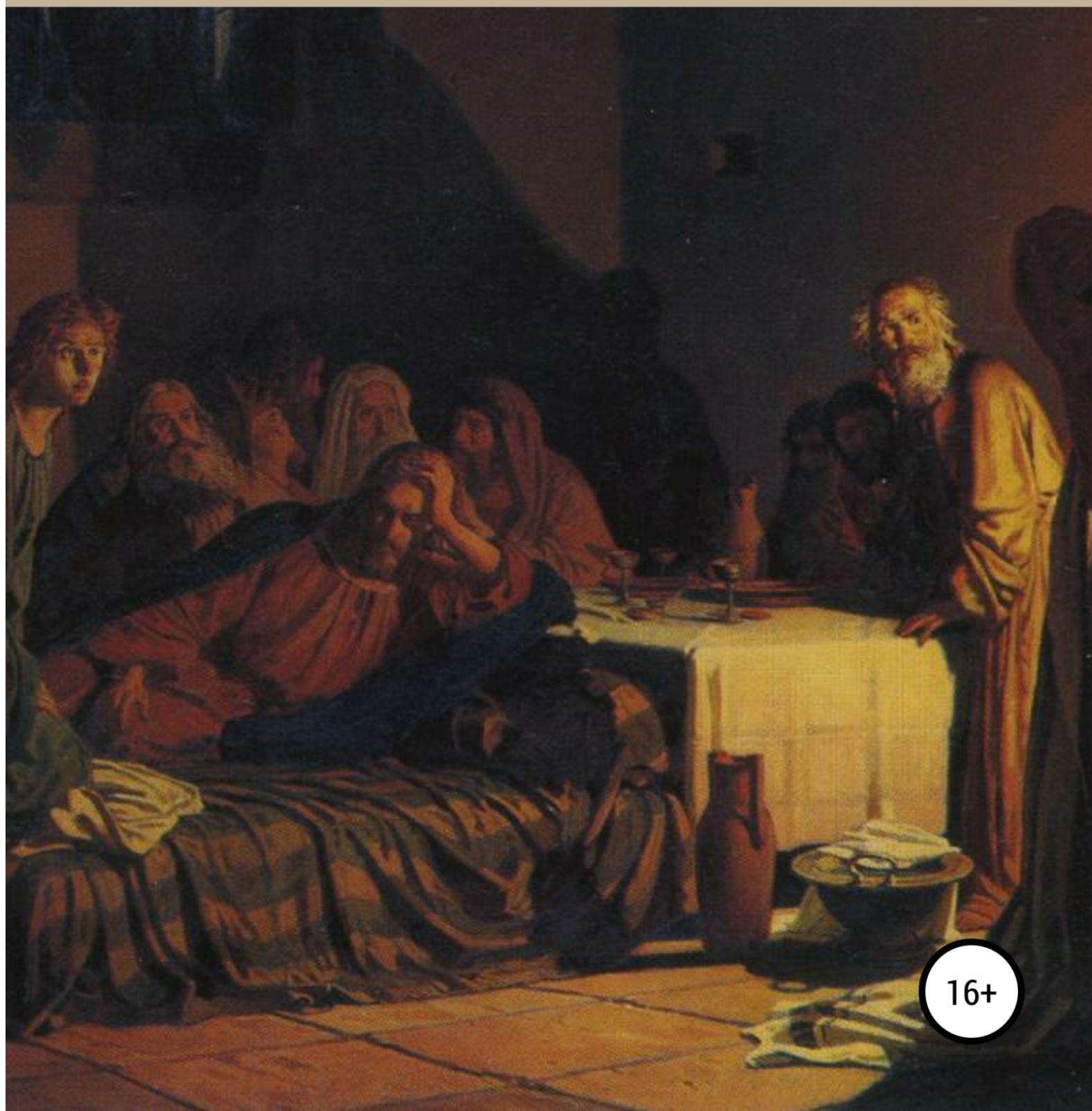

Татьяна Альбрехт

Избравший ад

Повесть из евангельских времен

16+

Татьяна Альбрехт

**Избравший ад. Повесть
из евангельских времен**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Альбрехт Т. Б.

Избравший ад. Повесть из евангельских времен /
Т. Б. Альбрехт — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Он «искал ада, ибо ему было довольно того, что Господь блажен» - так размышлял однажды некий искатель об Иуде... Искать ада, когда всякий живущий ищет блага и жаждет рая? Что может заставить человека отринуть спокойную устроенную жизнь, отречься от любви и радости? Во имя чего можно отказаться от Спасения и обречь себя на вечное проклятие? Вина или Рок? Осознанный выбор или происки Сатаны? Кто он – Проклятый апостол? Мы не знаем... Но разве не интересно попытаться ответить на эти вопросы?

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	8
1	8
2	16
3	22
4	27
5	33
6	38
Глава 2	40
1	40
2	42
3	46
4	48
5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Татьяна Альбрехт

Избравший ад. Повесть из евангельских времен

Предисловие автора

Писать художественные произведения на библейские сюжеты – задача сложная, даже в какой-то мере дерзкая. Библия изучена, как никакая другая книга в мире, и требует от писателя особенно внимательного и уважительного отношения к материалу.

К этому роману я приступала с дерзостью художника и дотошностью историка, которая сдерживала буйство моего воображения.

Даже не знаю, что именно меня вдохновило на его написание. Еще в юности я прочитала «Последнее искушение Христа», увидела одноименный фильм Скорсезе, посмотрела «Иисус Христос – Суперзвезда», сначала, американскую и английскую постановки, затем спектакль в театре им. Моссовета и была поражена неканоническими прочтениями евангельского сюжета в этих произведениях. Потом, уже в институте, я увлеклась библеистикой, историей раннего христианства и церкви первых веков, читала документы и научные труды, пыталась писать исследования на эту тему.

Видимо, в какой-то момент количество обретенных знаний начало творчески перерабатываться и складываться в сюжет. Точнее, в образ. Ибо важнее всего в этом романе было придумать героя. А когда он родился, стало гораздо понятнее, какой должна быть его жизнь. Правда, в какой-то момент мой персонаж, похоже, вышел из-под контроля и стал сам диктовать правила. Но я не жалею – так даже интереснее.

В этой работе для меня очень важно было гармонично соединить исторические реалии, библейские свидетельства и собственную фантазию. Я старалась проверять и соотносить все написанное с историческими трудами, сверялась с источниками, сопоставляла факты. Мне хотелось, чтобы книга не просто интерпретировала известный сюжет, а представляла картины повседневности эпохи, отдаленной от нас двадцатью веками.

Насколько это удалось, судить уже не мне.

Не вдаваясь в долгие пояснения, позволю себе несколько замечаний по тексту.

В романе неоднократно употребляются этнонимы, бывшие в ходу в римской Палестине на рубеже новой эры. Я делаю это не только для того, чтобы разнообразить язык, но и потому, что эти этнонимы имели большое значение для людей той эпохи.

Все помнят евангельскую притчу о добром самаритянине. Не случайно в ней подчеркнута национальность. «Самаритянин», «галилеянин», «идумей», «иудей» – не просто обозначения этнической принадлежности, но и культурно-этические клише, которые настраивали на определенное восприятие человека. Палестина и Сирия рубежа новой эры были многонациональными территориями, где жили представители самых разных народов. Но именно за счет этого евреи особенно настаивали на своей этнической и религиозной уникальности, которая определялась родословной «от Авраама», записанной в Талмуде, почитанием Торы и соблюдением Закона Моисеева.

После возвращения из Вавилонского плена (537 год до н. э.) и возрождения разрушенного вавилонянами Храма иудаизм окончательно оформился в строгую монотеистическую религию, принадлежность к которой была главным отличительным признаком еврея. Они противопоставляли себя другим народам примерно так же, как греки и римляне отделяли себя от «варваров». Водораздел «свой – чужой» был жестким. Галилеяне, самаритяне, иудеи, идумей

были «своими», поскольку являлись «людьми Закона» и вписывались в общее родословие от патриархов. Все остальные – чужаками, которых нельзя пускать в свой закрытый мир.

Внутри этой религиозно-этнической общности тоже была определенная градация. Так, идумеи и самаритяне были чужими среди своих, наиболее «неправильными» из потомков Авраама, иудеи – самыми «правильными», а Галилея вообще считалась заселенной язычниками, не знающими Закона.

Именно этим чувством национальной и религиозной обособленности объясняется отношение евреев к Риму и его власти. Изрядно пострадавшие в эпоху селевкидских правителей от попыток насильственной эллинизации и уничтожения национальной религии, испытывавшие подъем национального самосознания во время восстания Маккавеев и Хасмонейского царства, евреи особенно болезненно воспринимали малейшие «покушения язычников» на веру.

Римлян же никогда особенно не интересовала религия покоренных народов, им важно было продемонстрировать свою власть и увидеть покорность. Но для евреев многие из этих демонстраций (внесение знамен и значков легионов в Храм, размещение на Храме медальонов с римской символикой, нарушение записанных в Торе обычаев) было неприемлемо и вызывало бурную реакцию, которая зачастую была непонятна религиозно индифферентным завоевателям. Неоднократно вспыхивавшие возмущения римляне подавляли жестоко, т. к., не понимая религиозной подоплеки, видели в них политическую угрозу. Но это не останавливало истово верующих и радикалов, наоборот, усиливало конфронтацию. Так что Палестина начала первого века новой эры была, пожалуй, самой беспокойной из всех восточных римских провинций.

Иудаизм в евангельскую эпоху был вполне зрелой религией, внутри которой существовали свои течения и школы. Он обладал полным набором священных текстов с изложением сакральной истории избранного народа и непосредственно Закона с множеством толкований и комментариев. Это существенно его от простых патриархальных религий других народов Средиземноморского мира, а также греческого и римского язычества, довольно путанного, расплывчатого и к рубежу новой эры ставшего, скорее, эстетическим феноменом, нежели религиозной практикой.

Официальная же римская религия была крайне политизирована и опиралась на миф об избранности и особой роли Рима, что во многом сближало ее с иудаизмом, тем самым обостряя их конфликт.

В целом же религиозная картина Средиземноморья в евангельскую эпоху была довольно пестрой. Переплетение и взаимопроникновение культур в эллинистическом мире спровоцировало религиозную диффузию. Языческие традиции и пантеоны разных народов смешивались, религиозные обряды и таинства переходили в философию, философские идеи становились частью религиозных учений и магических практик, повсюду возникали радикальные секты, проповедовавшие крайний аскетизм или полную распущенность, постоянно появлялись пророки и воплощения различных божеств.

В этом котле идей, традиций и верований само по себе рождение новой веры не было чем-то исключительным. Они возникали довольно часто, некоторые получили широкое распространение и стали популярны настолько, что историк и культуролог Фаддей Зелинский в своей работе «Из жизни идей» вполне закономерно назвал их «соперниками христианства».

Напротив, новая религия должна была стать исключительной и универсальной, чтобы получить поддержку искушенных самыми разными теориями адептов и распространиться по миру.

В такой обстановке никто сначала не обратил внимания на очередного незадачливого проповедника, распятого римлянами, и небольшую секту его последователей. Ни наместник Иудеи, ни первосвященник, ни сами апостолы не могли представить себе в день казни, во что выльется это, в общем-то, рядовое событие.

Знали, понимали, что они делают, только два человека, обреченные к этому с рождения и выбравшие свой путь добровольно. Ибо без осознанного выбора, без свободы воли – дара, который Бог не отобрал у Адама и Евы даже после грехопадения, ничто великое не могло бы свершиться в мире.

*Ты знаешь печаль Луны...
Ее одинокий луч
Из матовой глубины
Свинцово тяжелых туч
Скользнул по кудрям твоим —
Ты руку подал ему...
Обласканный нежно им,
Бестрепетно встретишь тьму.*

*Неслышно придет рассвет,
В дорогу опять маня.
Тот робкий печальный свет
В ладони своей храня,
Уйдешь в одинокий путь
К Свершенью, что суждено...
Ты можешь еще свернуть,
Сомненье тебе дано,
А выбор, что дальше ждет,
Безрадостен и жесток.
Он к славе своей идет,
Тебе же – иной итог...*

Оставь это все, забудь!

*Не стоит губить себя!
Но выдержишь горький путь,
Безмолвствуя и скорбя.
Боль хуже тебе стократ
О людях, чья жизнь во мгле.
И ты выбираешь Ад,
Надежду даря Земле.*

Глава 1

Боже мой! Я вопию днем, – и Ты не внемлешь мне, ночью, – и нет мне успокоения.

Пс. 21: 3

1

Иуда стремительно шел по улицам Иерусалима, проворно пробираясь сквозь пеструю толпу. Город привычно шумел и волновался: торговцы и покупатели, прохожие и праздные гуляки кричали, суетились, ссорились, торговались, превращая душные улицы в один большой базар. Было за полдень. Несмотря на осень, солнце пекло немилосердно. Город обволакивал удушливым зноем, отдавая жар, накопленный камнями, воздух, пропитанный смрадом пота, дымом многочисленных жаровен, был настолько плотным, казалось его можно пощупать руками.

Ничего этого Иуда не замечал. Раздражение все еще бурлило в нем, юноша шел, не разбирая дороги – искал успокоения среди всеобщей суеты. За два месяца по возвращении из странствий это была уже восьмая крупная размолвка с родителями. Каждый раз разговор был об одном и том же и заканчивался ничем: Иуда хлопал дверью и уходил бродить по городу.

Налетев на очередного прохожего, юноша замедлил шаг и огляделся. Он оказался возле Храма¹, мраморно-золотая громада нависала над ним массивностью колонн и зубцами чешуйчатой крыши, в ушах звенел пронзительный крик храмовых торговцев и менял. Губы Иуды невольно скривились в пренебрежительную усмешку: он терпеть не мог этих суетливых прилипал, убивающих всю торжественность Скинии². Юноша поспешил миновать это место.

Скоро он оказался у Яффских ворот. Как всегда здесь толпился народ, но шума и бестолковой суеты было меньше, чем на площади. Остановившись перевести дух, Иуда оглядел окрестность и заметил притулившуюся в укромном проулке харчевню, откуда исходили манящие ароматы жареного мяса и приправ. С удивлением ощутив позыв голода, юноша взглянул на солнце: был второй час по полудни. Машинально убедившись, что кошелек на поясе не пуст, Иуда уверенно вошел в приветливо распахнутую дверь.

Час был неурочный, и небольшая комната оказалась совершенно пустой, что, впрочем, его обрадовало. Хозяин – маленький дородный еврей с красным добродушным лицом, обрамленным остатками седоватых кудрей – опытным взглядом оценил внешность посетителя и приветливо устремился навстречу. Иуда дружески кивнул ему.

– Добро пожаловать! Садись в тень, там прохладнее, – трактирщик указал на стол в глубине зала.

– Непременно, – юноша последовал приглашению, огляделся. – А у тебя уютно, хозяин.

– Благодарю за доброе слово. Что желаешь?

– Холодного вина, лучшего что есть, и что-нибудь на закуску.

¹ В 22 году до н. э. (согласно другим источникам, в 19 или 18 году до н. э.) Ирод Великий начал реконструкцию обветшавшего Храма, построенного после возвращения из Вавилонского плена. Реконструкция основного здания длилась полтора года, еще 8 лет шло благоустройство территории, возведение галерей и переделка внешних дворов. Работы же по отделке и доработке отдельных частей здания и строительство Храмового комплекса велось еще долго после смерти Ирода. В целом строительные работы были завершены только к 64 году н. э. за 6 лет до разрушения Храма.

² Так назывался переносной храм евреев в годы их странствий в поисках Земли Обетованной. Именно в нем хранился Ковчег Завета. Поскольку слово имеет значение «обиталище, местопребывание», я распространяю его и на Иерусалимский храм, в котором так же хранился Ковчег и, как утверждали священники, пребывал сам Яхве

– Один миг с твоего позволения, – живо откликнулся трактирщик.

– Даже два, если хочешь, – слегка улыбнулся Иуда.

Хозяин исчез в глубине заведения, юноша, облокотившись на стол, стал рассеянно разглядывать толпу на улице, предаваясь невеселым мыслям. С момента возвращения домой отношения с родней, и раньше не самые простые, совсем испортились. Родители не давали ему покоя, пытаясь заставить заняться карьерой. Отец грозил женитьбой, дядя неустанно старался устроить выгодные знакомства. Но при одной мысли обо всем этом Иуду охватывала невыносимая тоска. Картины дальнейшего процветания в качестве левита³, книжника⁴ или чиновника, приводили его в ужас и вызвали почти физическое отвращение. Он знал, что скорее сбежит из дома, чем пойдет по такому пути.

Мысль о том, что в семье ему не место, в последнее время все чаще посещала его. Сначала становилось страшно, но потом он заставил себя спокойно оценить эту возможность, и даже порадовался ей, однако решиться пока не мог.

– Попробуй. Это мое лучшее вино.

Бодрый голос трактирщика прервал поток его мыслей. Толстяк истово протягивал ему чашу, в которой плескалась рубиновая влага. Иуда вдохнул аромат, сделал глоток, удовлетворенно кивнул.

– Неплохо! Лет пять выдержки, не местное?

– О! Господин, я вижу, разбирается! – изумленно-уважительно отозвался трактирщик.

– Есть некоторый опыт. Годится. Что с закуской?

– Одно мгновение!

Хозяин суетливо обогнул стол, исчез в дыме очага, действительно, всего на несколько мгновений. При следующем появлении в руках у него оказалось блюдо с аппетитно поджаренными кусками мяса, обильно присыпанными зеленью.

– Отведай, и больше не пойдешь в другую харчевню, – с любезным поклоном произнес он, ставя кушанье перед гостем.

– Вы что, все сговорились между собой? – рассмеялся юноша.

– Кто это мы? – не понял трактирщик.

– Вы все – держатели гостиниц, таверн, харчевен – говорите одно и то же, только на разных языках.

– Как иначе, дело у всех одно. Мой почтенный гость много общался с нашей братией?

– Приходилось. Да что ты стоишь – присаживайся, выпей, поговори со мной.

– С удовольствием!

Хозяин ловко наполнил вторую чашу из объемистой бочки в углу, поставил на стол лепешки и сел напротив. Иуда внимательно следил за ним.

– Твой облик таков, словно Господь нарочно лепил тебя держателем харчевни.

– Кто знает, может, так и было, – без тени смущения ответил хозяин. – Ведь если Бог создал вино, значит, должны быть те, кто предназначен торговать им. Не пропадать же столь щедрому дару Всевышнего!

– Замечательное суждение! – рассмеялся юноша. – Полагаю, с таким умом ты вполне можешь вести диспуты с левитами, особенно еслихватишь несколько чаш своего зелья.

– Почему бы и нет. Кто знает точно, на что способен? А то, что ты называешь зельем – хмельной египетский напиток⁵. Мне его секрет достался в наследство от отца.

³ Слово «левит» имеет несколько значений. В широком смысле так называют всех представителей колена Левина, то есть, и служителей Храма, и коэнов (священников). В узком смысле левитами называют тех членов колена Левина, которые не являются потомками Аарона. Из них набирались служители Храма (певчие, стражники, музыканты и т. д.).

⁴ **Книжник** – в эпоху Второго Храма (516 год до н. э. – 70 год н. э.) знаток, толкователь и учитель закона Моисея.

⁵ Египтяне, со времен Древнего Царства изготавливали из ячменя, фиников или пшеницы некий аналог современного пива. Именно этот напиток имеет в виду хозяин харчевни.

Толстяк сделал могучий глоток, чаша наполовину опустела.

– Я так и понял. Этот запах я узнаю из тысячи других.

– Господин, я вижу, успел повидать свет, несмотря на свой молодой возраст, – пронзительно сощурился хозяин.

– Ты не ошибся, Певец вина. Могу я узнать твое имя?

– С удовольствием открою его тебе. Я Симон из города Кирены⁶, стало быть, Симон Киренянин. А будет ли мне позволено узнать имя моего почтенного гостя?

– Иуда бен Никодим из колена Левина⁷. Родом я из Иерусалима.

– Из колена Левина?! Господин знатного рода! – хозяин встал и почтительно склонился перед гостем. – Это вдвойне честь для меня!

– Оставь, Симон! Я совсем не кичусь своим происхождением.

– Но почему же, господин?

– А смысл? От того, что мои предки были славными и достойными людьми, я сам не стану таким. Человек есть то, что он сам из себя делает. Родовому имени я предпочитаю школьное прозвище – Махайра⁸.

– Ох! Это за что же, господин?

– За характер, наверно, или за язык. Учитель риторики часто говорил, речи мои острее ножа. А может, за глаза... Не знаю. Но холодная безыскусность стального клинка мне всегда была по душе.

Трактирщик наклонился, чтобы взглянуть юноше в глаза и невольно отпрянул, встретившись с их холодным изумрудным блеском.

– Да, – задумчиво протянул он после некоторой паузы, – зря Господь не создает такие глаза. Видно, чего-то он от тебя хочет, раз наделил подобными светильниками.

Иуда вздрогнул, усмехнулся, скрывая смущение.

– Если б еще знать, чего же именно Всевышний от меня хочет, я был бы очень признателен Ему.

– Слишком много ты хочешь от Господа... Однако я заболтался, а ты голоден. Ешь, пока не остыло.

– Верно. Я еще не оценил твою стряпню.

Иуда жадно запустил зубы в сочное, пахнущее травами мясо. Симон выжидающе смотрел на него.

– Да, Бог воистину создал тебя именно держателем харчевни, ибо ты весьма преуспел в своем ремесле.

– Ага! Я знал, что ты оценишь это блюдо!

– Оно замечательно. И я хочу выпить за твое преуспевание, Симон из Кирены.

– Благодарю! Благослови тебя Бог, господин!

Обменявшись любезностями, они сделали по глотку, одновременно поставили чаши на стол и расхохотались.

⁶ **Кирена** – древний город на территории Ливии. Один из величайших городов античности, центр исторической области Киренаика. Датой его основания считается 630 год до н. э. В евангельскую эпоху входил в состав римской провинции Крит. Знаменит своей философской школой.

⁷ Согласно Ветхому Завету, израильский народ сформировался из потомков двенадцати сыновей патриарха Иакова от двух его жен – Лии и Рахиль и двух служанок жен. Вот их список согласно Книге Бытия: шесть сыновей Лии: Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон; два сына Рахили: Иосиф и Вениамин; два сына Валлы: Дан и Неффалим; два сына Зелфы: Гад и Асир. Потомками Левия – сыновьями его дочери Иохаведы – были Моисей и его брат Аарон – первый священник израильского народа. Именно из потомков сыновей Левия и потомков Аарона по мужской линии набирались служители Храма. Когда в Земле Обетованной каждое колено получило свой надел, потомки Левия были лишены его, как посвященные культу и служению.

⁸ В переводе с древнегреческого «кинжал» (μάχαρα)

– Воистину, у меня сегодня счастливый день – Всевышний послал мне такого гостя! – воскликнул Симон, вновь наполняя чашу Иуды. – Заходи чаще, я всегда буду рад тебе!

– Не сомневаюсь, старый хитрец! Другие посетители, полагаю, не так привередливы, пьют твою дешевую кислятину?

– Кому что нравится, – с деланной скромностью развел руками трактирщик.

Иуда снова громко расхохотался, поднял чашу.

– Твое здоровье, хозяин! – отсалютовав, он допил вино. – Лей еще!

Их беседа прервала шумную компанию, ввалившаяся в зал – человек пять голодранцев, явившихся тратить последние медяки, заполнили маленькую комнату смрадом тел.

– Эй, хозяин! Вина! – загорланили они с порога.

Иуда брезгливо скривился. В странствиях он достаточно насмотрелся на подобных обормотанцев, не понятно какого роду-племени, обитавших в любом городе вблизи ворот и порта, гостиниц и рынков. Не гнушаясь самой грязной работой, эти люди были способны и на кое-что худшее, как они существовали в мире, лучше было не спрашивать.

Симон помрачнел и весьма нелюбезно швырнул предводителю компании баклагу с той самой кислятиной, о которой говорил Иуда.

– Держите. Есть будете?

– Нет! Твоя стряпня годится только для собак и римлян – в прошлый раз на костях почти не было мяса!

– За что заплачено, то и подано. Кстати, кто сегодня платит?

– Абу, он сегодня богач.

Симон вздохнул.

– Тогда платите вперед, а то упьетесь, как всегда, а мне одни убытки!

– Ну нет! Сначала попробуем, что ты нам дал.

Предводитель бродяг вскинул баклагу и сделал мощный глоток.

– Кислятина! Эй, давай другое – этим только свиней поить!

– Другое дороже.

– Не твоя забота! Заплатим. Тащи сюда кувшин и что-нибудь пожрать.

– Сказали же, не будете есть! – страдальчески воскликнул Симон.

– А мы передумали! Ты не болтай – делай, что тебе говорят!

Хозяин тихо выругался, исчез в глубине заведения. Буйная орава шумно расположилась за самым большим столом. Иуда спокойно ел мясо, хотя эта компания порядком испортила ему аппетит и настроение. Но умоляющий взгляд Киренеянина был столь красноречив – юноша не смог оставить его одного в таком обществе.

Появился Симон с кувшином вина и огромным блюдом мяса, от которого валил пар.

– Вот, – угрюмо сказал он, почти швырнув все это на стол, – и только попробуйте заявить, что не подойдет. Тогда отправляйтесь в другую харчевню.

– Разберемся, винная бочка. Иди отсюда! Не мешай нам!

– Сначала заплатите!

– Сказано, заплатим потом. Может, нам будет мало.

С тяжким вздохом хозяин отошел к очагу. Иуда поймал его взгляд, Симон в ответ театрально закатил глаза и выразительно поднес руку к горлу. Юноша ободряюще подмигнул и презрительно скользнул взглядом по шумящей ораве. От малоприятных звуков, зловония тел аппетит у него совсем пропал. Он усмехнулся, вспомнив свое первое знакомство с людьми такого сорта в одной из портовых таверн Александрии, и жестом подозвал хозяина. Тот радостно бросился на зов.

– Наполни-ка вновь мою чашу, Певец вина, продолжим нашу беседу.

– С радостью! – живо откликнулся Киренеянин.

– Скажи, давно ты держишь это заведение?

– Лет двадцать...

– Неплохо! Ручаюсь, за это время ты повидал столько всего, почти разучился удивляться.

– Это верно. Публика тут бывает разная, правда, все больше мелкие торговцы, приезжие победнее, во время праздников паломники или такие, как вот эти, – Симон, скривившись, кивнул сторону бродяг. – Гости вроде тебя – редкость.

Он вопросительно взглянул на Иуду, юноша кивнул, хозяин сел напротив.

– Да я, честно говоря, случайно здесь оказался: бродил по городу и проголодался. Вот и зашел в первую харчевню, какая подвернулась.

– Господин не погнушался такой бедной лачугой?

– Видел и хуже. Я ведь недавно вернулся в Иерусалим.

– Что ты повидал свет, я уже понял. Хотя это странно: если мне позволено будет заметить, ты еще очень молод.

– Верно. Мне только восемнадцать. Мир я смотрел по желанию отца, впрочем, я сам ничего не имел против – на свете столько интересного.

– А вот меня не тянет в дальние странствия, больше нравится сидеть и слушать рассказы других.

Симон снова вопросительно взглянул на Иуду, тот кивнул. Толстяк извлек откуда-то кувшин вина и стал разливать его. Юноша жестом остановил его усердие.

– Достаточно, разбавь водой⁹. Да! Представляю, чего ты наслушался за столько лет!

– Это точно! Может, и ты расскажешь, где побывал?

– Почему бы нет. Долгое время жил в Александрии – там я учился¹⁰. Бывал в Антиохи, в Тире и Тадморе, Дамаске, Тарсе, Берите¹¹...

– Ну и где лучше живется?

– Нигде Симон. Жизнь повсюду одинаково тяжела и печальна, а люди во всяком месте знают горе и страдание.

– Грустно! Неужели Господь гневается не только на наш народ?

⁹ Греческий и римский обычай. В античной Греции и Риме за трапезой вино всегда разбавляли. Пить вино в чистом виде считалось дурным тоном, признаком варварства. У Геродота в трудах даже встречается выражение «*episkythizein*», обозначающее «*пить вино по-скифски*», то есть, неразбавленным. Впрочем, ученые полагают, что вино разбавляли не только с целью уменьшить его опьяняющие свойства, но и потому, что некоторые греческие вина были очень сладкими и густыми. Римляне же переняли обычай у греков, как культурное клише.

¹⁰ Основанная в 332 году до н. э. Александром Македонским, Александрия стала не только столицей Птолемеевского Египта, но и культурной столицей эллинистического мира, особенно с того момента, как сатрап Птолемей Сотер (323–282 годы до н. э.) основал там Александрийский мусейон (музей), который стал самым известным образовательным центром Средиземноморья. На территории мусейона находилась одна из лучших библиотек античности (Александрийская библиотека), уникальное собрание произведений искусства и редкостей, существовал научный центр, где работали лучшие ученые своего времени, занимавшиеся натурфилософией, математикой, астрономией, географией, медициной, теорией музыки, лингвистикой, другими науками. Туда стекались многочисленные ученики, желавшие получить самое качественное в эллинистическом мире образование. Учреждение находилось на государственном обеспечении. Положение не изменилось и с захватом Египта римлянами, хотя расцвет Мусейона был уже позади. В евангельские времена Мусейон не утратил своего значения, получить образование там по-прежнему считалось очень престижным.

¹¹ **Тир** – финикийский город, один из древнейших крупных торговых центров Средиземноморья. Находился на территории современного Ливана. По свидетельствам Геродота был основан в середине XXVIII века до н. э. В евангельские времена имел большое значение, как торговый центр и порт, а так же центр науки и образования. **Тадмор** – город в центральной части Сирии. Расположен в оазисе посреди Сирийской пустыни в 215 километрах к северо-востоку от Дамаска и в 180 км к юго-западу от реки Евфрат. Рядом с ним руины Пальмиры. **Дамаск** – один из древнейших городов Средиземноморья и Ближнего Востока. Первые упоминания о нем встречаются в египетских документах и относятся к XV веку до нашей эры. В 64 году до н. э. Гней Помпей присоединил город к Римской империи. Он стал центром провинции Палестина. Здесь располагалась штаб-квартира римских легионов, охранявших римско-персидскую границу. **Тарс** – древний город на юго-востоке Анатолии (сейчас часть Турции). В евангельские времена был важным административным центром и портом Восточного Средиземноморья. Так же там существовала известная в эллинистическом мире высшая школа грамматики и философии. **Берит** (современный Бейрут) – древний город и порт на территории современного Ливана. Был основан финикийцами в XV до н. э., играл важную роль в средиземноморской торговле. Римляне захватили его в I веке до н. э. и превратили в военную колонию. Во времена империи стал центром римской культуры в Сирии и на побережье Средиземного моря.

– Наверно. Но если мы сами виноваты, на остальных за что?

– За поклонение идолам и нечестивость жизни.

Симон был серьезен. Взглянув на него, Иуда едва сдержал смех.

– Да?.. Но у них не было Авраама и Моисея. Что они могут знать о Предвечном?

– И то верно!.. Тьфу! С чего это меня на умные разговоры потянуло! Скажи, а римляне тоже живут в скорби?

– Не знаю. Я с ними мало общался, – по губам юноши скользнула горькая улыбка. – Редкий римлянин унижится до беседы с евреем¹².

– В твоих словах гнев и обида. Напрасно, наверно, им просто не понять нас, вот они и презирают то, чего не знают. Не стоит тратить свой пыл на это.

– Не стоит, но все-таки горько.

– Забудь! Ты вернулся домой, здесь все свои, все родное. Здесь твоя земля.

– На которой хозяйничают римляне¹³, – вздохнул Иуда. – Да и вернулся я как-то не настоящему: так давно не был на родине, отвык от нее, тем более, уезжал мальчишкой, а вернулся взрослым. Скажи, много ли изменилось за последние семь лет, Симон?

Хозяин задумался, снова наполнил свою чашу из бочки, отхлебнул на ходу и вернулся на место. Кислый запах зелья распространился по всей комнате.

– Да как сказать... Вроде, все по-прежнему. Римляне действительно хозяйничают, как хотят, правда, новый наместник, пожалуй, лучше прежнего. Синедрион¹⁴ снова возглавляет Аннах, вернее, конечно, его сын, но все-то знают, кто настоящий хозяин. Саддукеи¹⁵, как всегда, спорят с фарисеями, а теперь еще новая напасть – zeloty¹⁶!

– А кто они? – оживился Иуда. – В своих странствиях я про них кое-что слышал, но очень смутно.

– Да кто ж разберет? Одни говорят – святые, борцы за свободу Израиля, за чистоту жизни старых времен, другие называют разбойниками, убийцами, фанатиками. По мне, так кучка безумцев. Говорят, они не пьют вина и не притрагиваются к женщинам. А хуже всего, везде, где

¹² Евреи, как и все другие народы, были для римлян варварами. Но в принципе отношение к евреям в Римской империи было вполне лояльное, иудаизм был разрешен и даже популярен среди жителей Рима. Гай Юлий Цезарь в качестве благодарности за помощь в борьбе с Помпеем во время гражданской войны 49–48 годов до н. э. разрешил евреям публичное отправление богослужения в Риме. Известно, что синагоги существовали в Вечном Городе уже в правление императора Августа (27 год до н. э. – 14 год н. э.). Более того, в различных общественных мероприятиях для жителей Рима власть уважала обычай шаббата. Но при преемнике Августа императоре Тиберии (14–37 годы) евреи попали в немилость, т. к. некая знатная римская матрона была обманута ими. В чем именно состоял обман, источники умалчивают. В наказание синагоги были закрыты, священная утварь сожжена, 4000 еврейских юношей взяты на военную службу в Сардинию.

¹³ Установление власти Рима над территорией Иудейского царства осуществлялось в несколько этапов. В 63 году до н. э. Помпей Великий, воспользовавшись распрей царевичей из рода Хасмонеев, выступил в роли третейского судьи и установил над Хасмонейским царством протекторат республики. Фактически царство стало сателлитом Рима. В 40 году до н. э., после нашествия парфян, Ирод, тетрарх Галилеи (будущий Ирод Великий), бежал в Рим и, заручившись поддержкой сената, был избран царем Иудеи. В 37 году до н. э. ему с помощью римских войск удалось взять Иерусалим и изгнать парфян. Все правление Ирода проходило под ненавязчивым, но явным контролем Рима. После смерти Ирода царство было разделено между тремя его сыновьями. В 6 году н. э. старший сын Ирода Архелай был отстранен от власти императором Августом, его часть царства перешла под прямое управление империи. Другие части царства Ирода сохраняли формальную независимость вплоть до 41 года, когда Иудею восстановили в прежних размерах (то есть, в размерах Иудейского царства до завоевания его Селевкидской державой) и отдали в управление Ироду Агриппе. Такое положение сохранялось вплоть до Иудейской войны.

¹⁴ В Иудее высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган в каждом городе, состоявший из 70 человек. Иерусалимский синедрион, естественно, был выше всех остальных.

¹⁵ Название одной из трёх древнееврейских религиозно-философских школ, возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (около 150 г. до н. э.). Эти три направления – саддукеи, фарисеи и ессеи – в основных чертах выросли на почве Закона Моисея и представляли лишь продукт различного отношения к способу применения его в жизни. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», с целью сделать понимание еврейских сект доступным для нееврейских читателей, сравнивает, на основании некоторого внешнего сходства, саддукеев с эпикурейцами, фарисеев – со стоиками, ессеи – с пифагорейцами.

¹⁶ Социально-политическое и религиозно-эсхатологическое течение в Иудее, возникшее в эпоху Маккавеев во 2-й половине I века до н. э. и оформившееся окончательно в середине I века н. э. Основной целью zeloty было упразднение эллинистического влияния и свержение римского владычества. Для достижения этой цели считались пригодными любые средства.

могут, они устраивают беспорядки, подбивают людей к бунту, убивают римлян и даже евреев, преступивших Закон.

– Интересно! А ты их когда-нибудь встречал?

– Нет! – энергично затряс головой Симон. – И даст Бог, не придется! Мне своих забот хватает.

– Ах ты Силен¹⁷! Тебя послушать, так хоть новый потоп, лишь бы твоя харчевня оказалась в Ковчеге!

– А чем плохо? Я сам живу и другим не мешаю. Что такого?

– Да нет... ничего... Я так, о своем... Что там еще? – Иуда резко обернулся, привлеченный шумом за соседним столом.

Двое бродяг яростно рвали друг другу бороды, выкрикивая нечленораздельные ругательства и угрозы, остальные подначивали, столпившись вокруг.

– Это что еще такое? – возмущенно накинулся на них хозяин. – Заплатите и убирайтесь вон! На улице деритесь сколько угодно.

На него не обратили внимания, драчуны, бывшие уже изрядно во хмелю, принялись азартно мутузить друг друга, пока с грохотом не повалились на стол, разлетевшийся на куски вместе со всем, что на нем было. Компания дружно расхохоталась. Парочка так и осталась лежать среди костей, черепков и досок.

– Да что же это! Вы здесь все переломаете! А ну выметайтесь!

– Трухлявая бочка! Ты на кого поднял голос! – накинулся на Киренеянина самый огромный из бродяг, тот, кого они называли Абу.

– Я говорю, гоните монету и убирайтесь! У меня приличное заведение!

– Никуда мы не уйдем! Еще вина! – верзила тяжело обошел остатки стола и всей тушей облокотился на плечо Иуды, стараясь удержать равновесие.

– Этого еще не хватало! Прочь, мразь! – Иуда брезгливо оттолкнул оборванца.

Тот отлетел к стене, на мгновение опешил. Потом побагровел.

– Ты! – взревел он. – Молокосос! Да я от тебя мокрого места не оставлю!

Ринувшись на юношу, он хотел схватить его за горло, но Иуда оказался проворнее: отскочил, и, увернувшись от массивного кулака, так ловко сделал подсечку, что верзила грузно плюхнулся на пол, сильно ударившись затылком.

– Ах ты, щенок! – вскричали остальные.

Один из них бросился на Иуду, но тот снова увернулся и ударил нападавшего по лицу. Бродяга отлетел. Другой запустил в юношу куском доски, но промахнулся. Иуда накинулся на остальных. Ловким приемом сбив с ног ближайшего, он «пригладил» его деревяшкой, следующий получил удар в живот, от чего согнулся пополам и затих. Последний, видя, как оборачивается дело, решил, что связываться не стоит, и проворно проскользнул к выходу. Юноша начал отряхиваться, но тут предводитель шайки бросил в него нож. Иуда едва успел пригнуться. Его захлестнула ярость. Бросившись на бродягу, он одним могучим ударом сшиб его на землю и схватил за горло так, что у того глаза вылезли из орбит.

– Жалкое отродье! – он чуть ослабил хватку. – Благодарю Бога, что я не хочу марать о тебя руки! Забирай свой сброд и убирайся! Чтобы больше тебя здесь не видели.

– Только пусть сначала заплатит! – выступил на авансцену Киренеянин, успевший за время потасовки привести на помощь Иуде нескольких молодцов.

– Верно! – проворно отцепив от пояса Абу кошель, юноша бросил его трактирщику. – Держи! – Он отпустил бродягу, поднялся. – Вставай и выметайся вместе со всей компанией.

¹⁷ В древнегреческой мифологии демон, сатир, сын Гермеса и нимфы, воспитатель, наставник и спутник Диониса. Обычно изображался в виде толстого добродушного старика верхом на осле.

Провожаемые ледяным взглядом Иуды и угрюмыми взорами молодцов из соседней столярной мастерской, оборванцы кое-как убрались вон, прошипев на пороге какую-то нечленораздельную угрозу.

– Как мне благодарить тебя? – бросился Симон к Иуде, едва они скрылись.

– Да, есть за что благодарить! – усмехнулся тот. – Посмотри, какой разгром.

– Это пустяки! Если бы не ты, было бы хуже, и они бы не заплатили.

– Сомневаюсь, что их жалкие медяки окупят этот бардак.

– Не важно! Главное, они сюда больше не сунутся. Они ведь трусы, а ты нагнал на них страха. Где это учат так драться?

Юноша брезгливо отряхнулся, подобрал нож, внимательно осмотрел.

– Гляди-ка, хороший клинок. Украл где-нибудь. Возьми – пригодится. А драться я научился у греков. Они жуткие забияки, обучают этому искусству в специальных школах¹⁸.

– Тьфу! Нечисть! – благочестиво выругались присутствующие.

Иуда расхохотался.

– Конечно, нечисть. Но, как видите, такое умение может пригодиться.

– Да уж!.. Но я надеюсь, ты невредим?

– Совершенно. А ты вовремя струсил и привел подмогу.

– Да видишь ли, мой господин...

– Ладно, я не в укор. Дай воды, и я пойду.

Симон поднес юноше полную чашу, тот жадно выпил, отцепил от пояса кошель и протянул трактирщику.

– Держи.

– Куда так много?

– За разгром.

– Убери. Я не могу взять. Я и так в долгу у тебя.

– Оставь. Вино и мясо у тебя превосходны, так что заработал. Бери, не серди меня.

– Ладно, как прикажешь, господин, – промямлил Киренеянин, робко принимая кошель.

Иуда направился к выходу.

– Прощай, Певец вина! Благослови тебя Бог.

– И тебя, господин, – почтительно поклонился хозяин. – Заходи, я буду счастлив.

– Еще бы, старый хитрец! – рассмеялся юноша.

– Нет! Не потому, что так щедро платишь. Придешь без денег – голодным не останешься, клянусь.

– Ловлю на слове, Симон. Смотри! – с порога махнув рукой трактирщику, Иуда скрылся в шумной сутолоке улиц.

¹⁸ Иуда говорит о палестрах и гимназиях – древнегреческих школах, в которых общеобразовательная программа сочеталась с интенсивным курсом физической подготовки. Палестрами также назывались площадки для занятий спортом.

2

Жаркое утро превратилось в раскаленный полдень. Иерусалим бурлил. Люди бежали по улице, шарахаясь от легионеров и храмовой стражи. В знойном воздухе стоял немолчный шум от топота ног, криков, лязга оружия. Солдаты усердствовали. Взбешенные потасовкой на площади, они хватали всех без разбора и особенно не церемонились.

Иуда неторопливо шел по улице, не обращая внимания на всеобщую суету. Надменно-уверенный вид, которому он научился в странствиях, степенная походка, богатая одежда и ледяное спокойствие служили юноше надежным щитом. Его не трогали, беспрепятственно пропуская через все посты. Сначала он собирался домой, но представил причитания испуганной матери, ворчание отца и свернул к Яффским воротам.

Симон увидел его издали, радостно вышел навстречу.

– Приветствую тебя, господин! Как славно, что ты решил заглянуть ко мне! – воскликнул он, распахивая перед Иудой дверь.

– Здравствуй, Симон! – улыбнулся юноша. – Ты опять за свое? Мы же договорились, чтоб ты не называл меня господином.

– Прости, мой почтенный друг! Но у тебя столь надменный вид сегодня, язык сам собою повернулся.

– Это для солдат, чтоб не лезли. В странствиях я усвоил: чем уверенней держишься, тем меньше тебя трогают.

– Это точно! Но проходи же! Пить хочешь?

– А ты как думаешь?

– Несколько мгновений с твоего позволения!

– Не суетись, Симон! Я не тороплюсь.

Хозяин исчез. Иуда прошел во внутреннюю комнату, сорвал с головы тюрбан, пригладил взмокшие волосы. Возник хозяин, поставил перед ним кувшин, положил лепешки и тихо удалился. Иуда налил себе чашу и стал медленно пить мелкими глотками, прислушиваясь к шуму на улице. Появился Симон.

– Все разбежались – боятся. В городе Бог знает, что творится.

– Знаю. Шум до небес.

– Ты позволишь нарушить твое одиночество?

– Конечно! Присоединяйся.

Киренеянин поставил на стол еще один кувшин с египетским напитком, сел рядом. Они отсалютовали друг другу чашами.

– Бога ради, расскажи, что происходит? Отчего все так перепугались? Кого ищут?

– Не знаешь? Ты не был на площади?

– Делать мне там нечего!

– Ох, Симон! Так и конец света наступит, а ты не заметишь!

– Тем лучше – испугаться не успею.

Иуда рассмеялся, но тут же снова стал серьезным.

– Может ты и прав по-своему! – задумчиво сказал он.

– Но все же что случилось? – нетерпеливо переспросил Киренеянин.

– Во время объявления приговора несколько смельчаков попытались отбить осужденного.

– Вот безумцы!

– Да? А по-моему, молодцы. Их здоровье!

Юноша одним долгим глотком опустошил чашу.

– Ага! Вон что из-за них началось! Осию все равно не спасли, а в городе теперь неделю будут сплошные обыски и облавы.

– Брось! Тебя кто тронет?

– Захотят – тронут. Зачем лишний раз раздражать римлян?

– А что, сидеть, сложа руки?

– Не лезть на рожон.

– Не путаешь ли ты рассудительность с трусостью?

– А хоть бы и так! Я, по крайней мере, никому не сделал зла. А из-за этих безумцев римляне хватают всех без разбора, врываются в дома. Кому от этого лучше?

– Не будет в Иудее¹⁹ лучше, пока мы себе не хозяева. Я прожил на родине всего полгода, не покидал Иерусалима, а уже насмотрелся! Проклятые римляне за людей нас не считают!

– Ну да! При своих правителях жили тоже не сладко! Я-то помню!

– Подожди! Что там? – Иуда вскочил, внимательно прислушиваясь.

Уличный гул стал осмысленным. Где-то поблизости раздался шум драки, лязг оружия, потом послышался топот стремительно бегущего человека. Вдалеке звучала тяжелая слитная поступь легионеров. Юноша выглянул в окно и увидел еврея в грязной изодранной одежде. Вжимаясь в стены, затравленно озираясь, он искал, где скрыться от солдат. Иуда в мгновение ока собрался и кинулся к выходу.

– Спасибо, Симон. Увидимся! – бросил он, на ходу швырнув на стол монету.

– Куда ты так сорвался? Ох, Махайра, не лез бы ты в эти дела!

– Учи ученого!

Иуда догнал бегущего, схватил за руку. Тот резко обернулся, выхватывая нож.

– Тише! – юноша невозмутимо отстранил от себя клинок. – Спокойно! Я хочу помочь. Иди за мной!

– Кто ты?

– Может, мы присядем, и расскажу тебе историю своей жизни? – насмешливо огрызнулся Иуда. – Я знаю, где спрятаться. Доверься мне.

Беглец с сомнением взглянул на него, но пошел следом.

Мало кто даже из здешних жителей знал этот укромный уголок у самой городской стены. Они сидели, прислушиваясь к уличному шуму. Иуда внимательно разглядывал спасенного – маленького худощавого совсем молодого человека с колючими, близко посаженными глазами, курчавыми волосами и редкой бородкой. Его старый хитон был изодран и заляпан кровью, худые руки беспокойно сжимали нож, который он так и не вложил в ножны. Юноша заметил, кровавые пятна на хитоне свежие, одно из них – на плече – постепенно увеличивается.

– Ты ранен?

– Да так, ерунда. Царапина.

– Не похоже. Дай-ка взглянуть.

¹⁹ Иуда может употреблять этот топоним в двух значениях. 1. «Земля Иуды», впервые упомянута в Библии в Книге Второзакония (Втор. 34: 2). В качестве надела этого колена простиралась от Мёртвого до Средиземного моря (Нав. 15:1–12) и включала Иудейскую пустыню, Иудейские горы, Иудейскую низменность, значительную часть гор и низменности Негева. 2. Иудеей также называли Южное царство – одно из двух государств, возникших после распада Израильского царства в X веке до н. э. Было уничтожено Вавилоном в 586 году до н. э., затем, при Кире Великом (537 год до н. э.) возрождено, в Иерусалиме был заново отстроен Храм. С 320 года до н. э. стала частью эллинистического мира, была под властью Птолемея, затем Селевкидов. Восстание Маккавеев освободило Иудею из-под власти Селевкидской Сирии (141 год до н. э.), на ее территории было создано независимое Хасмонейское царство. В 63 до н. э. году в результате борьбы за трон между царевичами, римский полководец Гней Помпей включил ее в состав римской провинции Сирия. Формально Иудея сохранила независимость, но стала политически подчиненной Риму. Последним царем Иудеи был Ирод Великий. После его смерти территория царства была разделена между его сыновьями. Галилея и Заиордания были отданы Ироду Антипе, земли к северу от них – Ироду Филиппу, Иудея с Самарией – Архелаю. В 6 году до н. э. Архелай был смещен императором Августом, власть над Иудеей была передана римскому наместнику (префекту / прокуратору).

Беглец напрягся, но позволил Иуде подойти. Юноша обнажил кровоточащую рану на правом предплечье.

– Царапина? С такой царапиной ты не пройдешь и двух стадий²⁰! Позволь-ка.

Иуда разорвал подол своей туники, осторожно обтер рану и наложил повязку. Кровь остановилась.

– Спасибо! – изумленно сказал беглец. – Все-таки кто ты и зачем спас меня?

– Ты не доволен? Еще не поздно – патрули где-нибудь рядом.

– Я не о том. Почему ты помог мне?

– Я всегда думал, не нужно причины, чтобы помочь человеку.

– Но ты очень рисковал.

– Знаю. И что? Все ведь обошлось.

– Еще не совсем.

Иуда с усмешкой взглянул на него.

– Не беспокойся. Я знаю, как выбраться из города.

– Да кто ты такой?! Какое тебе до меня дело?

– Зовут меня Иуда. А дело мне есть до всякого попавшего в беду человека.

– Допустим, – отстранился беглец, не сводя с него подозрительного взгляда. – Но ты меня не знаешь.

– Взаимно. Что из этого?

– Зачем тебе спасать меня, да еще рискуя собой?

Иуда начал злиться.

– Ты не доволен? Не хочешь принять мою помощь? – он встал, осторожно выглянул на улицу. – Пожалуйста, иди на все четыре стороны, тебя сразу схватят, в таком-то виде.

Беглец оглядел себя.

– Да... Но как же быть? – растерянно спросил он.

– Если перестанешь задавать дурацкие вопросы и подождешь меня, я принесу тебе другую одежду.

Иуда поднялся. Беглец схватил его за руку.

– Постой! Где ты ее возьмешь?

– Вот наказание! Попрошу у легионеров!.. Доверься мне!

Юноша быстро вернулся, неся в руках большой узел. В нем оказался поношенный, но еще вполне пригодный хитон, лепешки и бурдюк воды.

– Держи. Переодевайся и поешь.

Облачившись в новое платье, беглец жадно приник к воде. Иуда внимательно рассматривал его.

– Ты идти сможешь?

– Что? А... Да это не рана – сущий пустяк!

– Я заметил, – с иронией заметил Иуда. – Ладно, идем.

– Куда?

– Туда, где безопасно.

– Куда? – настойчиво повторил беглец.

– За городские стены. Там в таком виде ты вполне сойдешь за обычного путника, если конечно не будешь размахивать ножом и злобно сверкать глазами на солдат.

Беглец вспыхнул.

– Не учи меня. Я знаю, как себя вести.

²⁰ **Стадий** – единица измерения расстояний в древних системах мер многих народов, введённая впервые в Вавилоне, а затем перешедшая к грекам и получившая греческое название. Длина стадия была разной у различных народов, от 172 до 230,5 метров. Птолемеевский и римский стадий равнялся 185 метрам. Скорее всего, именно им пользовались в Иудее времен Нового Завета.

- Ну, извини. Так ты идешь?
- Да. Но как мы выберемся из города?
- Через ворота, естественно, – пожал плечами юноша.
- Ты с ума сошел! Там всюду стража.
- Ну и что?
- Нас схватят!
- Ищут затравленного беглеца в лохмотьях. А мы с тобой... – Иуда оценивающе оглядел его. – Чем не богатый торговец со своим слугой?
- Беглец в возмущении вскочил.
- Что?!
- Как хочешь. Можешь сидеть здесь или идти один. Я не настаиваю.
- Спасенный долго с удивлением и сомнением смотрел на Иуду.
- Бог тебя знает, кто ты и откуда взялся. Но я почему-то верю тебе, – задумчиво произнес он. – Ладно, идем.
- Они осторожно выбрались из закоулка. Сделав знак подождать, Иуда вышел на середину улицы, внимательно осмотрелся и жестом подозвал беглеца. Тот подошел, вопросительно взглянул на юношу. Иуда улыбнулся.
- Держись рядом, но немного сзади. Так будет смотреться естественнее.
- Спасенный отпрянул, увидев, как лицо юноши в один миг изменилось, став чужим и презрительно-надменным. Иуда вскинул голову и неторопливо пошел вперед.
- Выйдя на улицу, ведущую к Шхемским воротам, беглец невольно замедлил шаг: впереди со всех сторон поблескивали доспехи патрулей.
- Спокойно! – тихо сказал Иуда. – Не смотри на них как обезьяна на удава. За мной.
- Он уверенно двинулся вперед, беглец, помедлив, зашагал следом. Иуда по дороге останавливался возле торговцев, приценивался к товарам. Со стороны его действительно можно было принять за скучающего богача, убивающего время.
- Спутник в изумлении наблюдал за ним, не забывая, впрочем, хоть как-то соответствовать. Замешкавшись в толпе, он налетел на легионера, сильно толкнув его в спину. Римлянин гневно обернулся.
- Да чтоб тебя, неуклюжий дурак!.. – загремел он гневно, хватаясь за меч.
- Беглец сжался, рука его невольно потянулась к ножу.
- Что случилось? – рядом с ними возник Иуда.
- Тебе какое дело? – огрызнулся легионер.
- Это мой слуга. Закхай, что ты опять натворил? – юноша прекрасно изобразил гнев грозного хозяина.
- Слуга? Тогда научи его ходить по улицам. Он едва не сшиб меня с ног.
- Взгляд, брошенный Иудой на молодого человека, был весьма красноречив. Тот виновато опустил голову.
- Прости, почтеннейший, – обернулся юноша к римлянину. – Он недавно из Галилеи, не привык к большим городам.
- А ты сам кто такой? – все еще хмуро спросил солдат.
- Иуда бен Никодим из колена Левина к твоим услугам, – с холодной вежливостью представился юноша.
- Что ты здесь делаешь?
- У меня должна была быть деловая встреча, но из-за безумия, что творится в городе, мой партнер опаздывает. Я просто убиваю время.
- Встреча? С кем?
- Торговец тканями из Дамаска.

– Понятно. Ладно, идите. Только приглядывай за этим. У нас сегодня не самое благодушное настроение.

– Не беспокойся, почтенный. Sapiienti sat²¹. Vale²², – пряча усмешку, ответил Иуда.

Римлянин изумленно взглянул на него, но потом махнул рукой и исчез в толпе.

Юноша некоторое время смотрел ему вслед, потом кивнул своему спутнику и пошел к воротам. Они смешались с толпой и беспрепятственно миновали стражу. Оказавшись за городской стеной, беглец ускорил шаг и хотел сразу свернуть с дороги, Иуда удержал его.

– Куда? Мы еще в пределах видимости стражников? Если будешь метаться и суетиться, немедленно вызовем подозрение. Держи себя в руках.

Они отошли достаточно далеко, когда Иуда, наконец, свернул на незаметную тропинку. Спасенный покорно шел за ним. Тропа привела их к небольшому гроту в холме, рядом с которым росло несколько чахлах деревьев.

– Пришли, – просто сказал юноша. – Это тихое местечко. Здесь никто не бывает, кроме пастухов во время гроз и случайных путников.

Беглец молча оглядывался.

– Пристанище не самое лучшее, но другого я не знаю. Можешь без опаски провести здесь ночь. А дальше сам разберешься, что делать.

Беглец устало опустил на камень у входа. Иуда протянул ему котомку.

– Здесь вода и немного еды. На ночь и утро хватит. А дальше в окрестностях города много селений. Прощай. Да поможет тебе Господь.

Он неторопливо пошел прочь.

– погоди!

Юноша остановился, обернулся, насмешливо глядя на беглеца. Тот подошел.

– Спасибо, – тихо сказал он. – Ты рисковал собой, не спрашивая, кто я, что натворил. Я в долгу перед тобой.

– Нет, – покачал головой Иуда. – Я поступил, как хотел. Ты ничем мне не обязан.

– Но ты не знаешь даже моего имени. Или знаешь?

Юноша рассмеялся.

– Нет. А должен? Но я не спрашиваю. Захочешь, скажешь сам, нет – твое дело.

– Меня зовут Товия. А как ты догадался, откуда я?

– В смысле?

– Заговаривая зубы легионеру, ты сказал, я из Галилеи. Это правда. Как ты узнал?

– По выговору. Речь галилеянина²³ ни с чем не спутать.

– А ты совсем не прости! – Товия подозрительно прищурился. – Кто же ты все-таки?

²¹ Разумный поймет (латынь).

²² Стандартное выражение прощания в классической латыни. Можно перевести как «Прощай» или «Будь здоров».

²³ **Галилея** – историческая область на севере Израиля, на границе с Ливаном. Ограничена Средиземным морем на западе, Изреельской долиной на юге и Иорданской долиной на востоке. Традиционно делится на Верхнюю и Нижнюю Галилею. В третьем тысячелетии до н. э. Галилею заселили хананеи. Во втором тысячелетии до н. э. здесь появляются хурриты, хетты и египтяне. Затем страна включается в состав Израильского царства. Согласно Библии, 20 городов Галилеи царь Соломон подарил тирскому князю Хираму. В 722 году до н. э. Галилея входит в состав Ассирийской державы, местное население выселяется и заменяется ассирийскими колонистами. В 539 году до н. э. Галилея переходит под власть Персии. В 333 году до н. э. у персов Галилею отвоёвывают войска Александра Македонского, начинается колонизация земель греческими и македонскими колонистами. После этого периода Галилея несколько раз переходила из рук в руки между эллинистическими династиями Птолемеев Египта и сирийскими Селевкидами. Начиная с правления Хасмонеев и Маккавейских войн (середина II века до н. э.) до завоевания римскими войсками в 63 году до н. э. Галилея неоднократно подвергалась грабительским набегам со стороны Иудейского царства. В конце I века до н. э. Иуда Галилеянин (Гавалонит) вместе с несколькими иудейскими священниками устроил беспорядки в городе Сепфорис, чем спровоцировал приход римских войск в Галилею, в результате чего она была опустошена, большинство местного населения перебито, а остальные проданы римлянами в рабство. В евангельскую эпоху у евреев-галилеян было отличающееся от языка жителей Иудеи наречие (Мк. 14:70).

– По-моему, я представился, – тон юноши стал отчужденным, ему явно надоели эти распросы.

– Это ничего не объясняет.

– По крайней мере, тебе известно, кто я.

– Подожди! Ты назвал легионеру настоящее имя?

– Конечно.

– Зачем? Это же опасно.

– Чем? У него не возникло подозрений в моей лояльности, – усмехнулся Иуда.

– Да, ты совсем не прост, – повторил Товия. – А что ты сказал легионеру на латыни?

– «Разумный поймет». Отличное выражение!

– Многозначно получилось. Но откуда ты знаешь язык нечестивцев?

– Я много чего знаю.

– И все-таки я не понимаю. Ты выглядишь, говоришь, ведешь себя как богатый знатный человек, оказываешься в бедном квартале, рискуя собой, спасаешь незнакомца от римлян. Перевязываешь его, достаешь одежду, еду, выводишь из города. Почему?

Иуда присел на большой камень у входа, поправил сбившийся ремешок на сандалии. На его лице была скука.

– Ну и вопросы ты задаешь! В том квартале есть одна харчевня, которую я очень люблю. Увидев тебя, сразу понял, что происходит – я ведь был на площади. А почему решил помочь... Просто так! Думай, что хочешь. Я сделал то, что сделал.

– Ты был на площади! Так ты знаешь, кто я?

– Догадываюсь.

Товия изумленно смотрел на Иуду.

– Что ж, – тихо произнес он, – надеюсь, ты не окажешься моим злым демоном и не погубишь меня. Но я не спрашиваю больше, вижу – это бесполезно.

Юноша рывком поднялся, в его глазах вспыхнул гнев.

– Оригинальная у тебя манера благодарить! Ладно, в конце концов, мне дела нет, что ты обо мне думаешь. А о безопасности своей персоны можешь не волноваться. Я грязными делами не занимаюсь.

Он снова зашагал прочь. Спасенный догнал его, схватил за руку.

– Я обидел тебя? Прости. Какой ты, однако, вспыльчивый.

– Такой же, как ты доверчивый.

– Мне доверчивым быть нельзя.

– О! Я понимаю, – с иронией ответил юноша. – Что ж, по крайней мере, до утра у тебя есть над чем подумать. А мне пора – вечереет, родня хватится. Прощай. Удачи.

– И тебе, Иуда. Благослови тебя Бог. Может, еще встретимся.

– Кто знает.

Иуда махнул рукой и вышел на тропу. Товия наблюдал за ним, пока он не скрылся за поворотом, потом подхватил котомку и скрылся в гроте.

3

– Неблагодарный мальчишка! Я заставлю тебя повиноваться мне! – это было последнее, что расслышал Иуда перед тем, как хлопнуть дверью.

Он выбежал из дома, не обращая внимания на гнев отца и причитания матери, и поспешил миновать их тихую улочку, лишь изредка оборачиваясь на удивленные взгляды привлеченных шумом соседей.

Юноша стремительно шел по городу. Очередная размолвка с родителями на этот раз закончилась настоящим скандалом, он знал: теперь у него долго не возникнет желания возвращаться домой.

Иерусалим окутал его удушливым зноем и вовлек в водоворот обычной суеты. Отдавшись ему, Иуда пошел куда-то, став одной из песчинок толпы. Но это не принесло успокоения. Выбравшись из людского потока, он остановился и задумался, куда деваться. Возникшая было мысль о таверне Киренеянина, сразу исчезла. На душе было так скверно, что впору выпить. А этого совсем не хотелось. Постояв немного, Иуда огляделся. Золото храмовой крыши полыхнуло ему в лицо. Он зажмурился, опустил голову. Золотые блики скользили по камням мостовой, по лицам и фигурам прохожих. Иуда провел рукой по лицу. Но это был не мираж. Еще раз оглядевшись, юноша печально улыбнулся.

– Может, пришло время, – прошептал он сам себе.

Встряхнувшись, он свернул на параллельную улицу и решительно зашагал к Храму.

Скиния нависала над ним. Подойдя совсем близко, он ощутил, как эта громада горделиво подставляет солнцу мраморные бока, нежится в его ласковых лучах, величаво возвышаясь над городом и всей Иудеей.

Иуда остановился. В странствиях по чужим землям образ Храма потускнел в его памяти, а по возвращении у него не возникало желания снова по-настоящему рассмотреть его, такой шумный, закопченный и суетливый во время праздников.

Сегодня Скиния казалась необыкновенно легкой, воздушной, в то же время величественной, грозной. Юноша замер в восхищении. Даже храмовые торговцы сегодня кричали не так громко, как обычно, словно утомились или размлели на жаре.

Но стоило ему войти во Двор Язычников, впечатление рассеялось. В ноздри ударил запах грязи, крови и горячей плоти многочисленных жертв, уши оглушили предсмертные вопли и хрипы забиваемых животных, зазывно, неистово кричали менялы и торговцы.

Иуда остановился, оглядываясь: вот Двор Женщин, отделенный от него четырнадцатью ступенями, где безмолвные и недвижимые несколько женских фигурок томились в ожидании, вот покои назореев²⁴ и притвор прокаженных, а там, выше, через пятнадцать полукруглых ступеней, Двор Израильян, где мужчины с обреченными животными и птицами стоят и ждут своей очереди.

Осмотревшись, юноша решительно повернул назад. Не миновать запретного Двора Священников, не добраться до Святой Святых – комнаты, полной пустоты, недоступной дневному свету, где, по утверждениям левитов обитает сам Яхве. А здесь... Разве возможен в этом приюте смерти разговор с Богом?

Иуда вышел обратно на площадь, вздохнул и направился к Яффским воротам.

²⁴ **Назорей** – человек, принявший обет (на определенное время или навсегда) воздерживаться от употребления винограда и произведенных из него продуктов (в первую очередь, вина), не стричь волос и не прикасаться к умершим. Степень святости назорей приближается к святости даже первосвященника. В случае нарушения обета назорей должен остричь голову, принести искупительную жертву в Храме и начать свой обет сначала.

В таверне Симона была обычная суета. Человек пять – шесть посетителей, жаркое пламя очага, звяканье посуды. Трактирщик расплылся в довольной улыбке, увидев его, но, внимательно взглянув в лицо, понимающе кивнул и молча проводил во внутреннюю комнату.

Иуда сидел за столом, обхватив голову руками. Перед ним томилась нетронутая чаша вина, рядом стыло, наполняя каморку ароматом приправ, блюдо с мясом. Ему было плохо, почти физически. Хотелось с кем-то поговорить, излить душу. Но что он мог сказать? Любой священник сочтет его исповедь греховным вольнодумством, человек вроде Симона – блажью богатого избалованного мальчишки, а всякий из его круга просто решит, что он сошел с ума.

Иуда схватил чашу и залпом осушил ее, налил еще, но пить не стал, отстранил от себя кубшин и блюдо, уронил голову на ладони и глубоко задумался.

К действительности он вернулся только тогда, когда его осторожно тронули за плечо. Он резко обернулся и увидел Киренеянина.

– Прости, что помешал, но на улице какой-то человек спрашивает о тебе.

– Какой человек?

– Не знаю. Я его никогда раньше не видел. Но он назвал твое полное имя.

– Мое имя! Как он выглядит?

– Молодой, года на три-четыре старше тебя. Худощавый, маленький. Одет бедно, по выговору галилеянин.

– О! Веди его сюда и не задавай вопросов. Еще одну чашу и хлеба.

– Хорошо, все будет исполнено.

Хозяин исчез и скоро вернулся в сопровождении Товии.

– Наконец-то я нашел тебя! – воскликнул галилеянин еще с порога.

– Я догадался, что это ты. Присядь. Отметим нашу новую встречу. Симон, чашу!

– Одно мгновение.

Киренеянин устремился, было к выходу, гость остановил его.

– Не надо. Я не пью вина. Если можно, воды.

– Однако! Уж не опасаясь ли ты, что я подсыплю яда? – рассмеялся Иуда. – Как хочешь. Симон, принеси воды. Мясо тоже не станешь? Я заказывал для себя. Ешь, я все равно не голоден.

– Ты злопамятный – почти месяц прошел, а все никак не забудешь мои слова. Но все равно спасибо! – Товия с жадностью набросился на еду.

Иуда внимательно рассматривал его.

– По-моему, ты не балуешь себя трапезами, – с усмешкой заметил он после паузы. – Как ты меня нашел?

– Я знал твое имя, ты сказал, что любишь харчевню в этом квартале.

– Верно. Но зачем тебе это понадобилось? Ты рисковал, возвращаясь в город.

– Я хотел поговорить с тобой. Где мы можем сделать это без лишних ушей?

– Да прямо здесь.

– Но...

– Положись на меня. Симон!

Хозяин возник почти мгновенно.

– К твоим услугам.

– Я хочу, чтобы нашу беседу не слышала ни одна живая душа, включая тебя. Понял?

– Да, конечно.

– Тогда действуй.

– Все будет сделано, не беспокойся.

– Я не сомневаюсь, – усмехнулся Иуда, жестом отпуская его.

Хозяин исчез. Затворился полотняный полог, слышались гневные раскаты его голоса, топот ног. Когда шум утих, Иуда обернулся к Товии.

– Все сделано, как ты хотел. Нас никто не услышит, можешь говорить спокойно. Галилеянин молчал, пристально рассматривая его. Иуда ждал. Пауза затянулась.

– И все же? – нарушил молчание Иуда. – Что ты хотел сказать?

– Многое. Но сначала замечу: я уже убедился, на тебя можно положиться, поэтому смело вверю тебе свою судьбу.

Глаза юноши сверкнули, он не ответил, лишь налил себе воды и начал пить ее маленьким глотками, не сводя с собеседника пристального взгляда.

– Почему ты молчишь?

– Я должен что-то сказать? Что ж, это лестно! Но стоит ли? Я, например, предпочитаю, чтобы моя судьба была только в руках Господа и моих.

– Стоит, Иуда. Я точно знаю.

– Ладно. Я слушаю тебя. Или я должен дать какую-то клятву?

– Нет. Это было бы неблагодарно с моей стороны. Я верю тебе.

– Чудны дела Твои, Господи! – насмешливо заметил Иуда. – Ну хорошо, слушаю.

– В прошлый раз ты сказал, что догадываешься, кто я. Это так?

– Теперь я точно знаю.

– Откуда?

– Ты сам показал мне только что, отказавшись от вина. Так поступают только назореи, ессеи или zeloty. На двух первых ты совсем не похож, так что остаются...

– Да ты прав, – поспешно перебил его Товия.

Иуда замолчал, с усмешкой глядя на него.

– Ты прав, – повторил галилеянин. – А что ты знаешь о zelotax?

– Не много. Все, что я слышал – либо хвалы излишне восторженных почитателей, либо хула недоброжелателей, да еще суждения скептиков, вроде Симона. Ничего определенного.

– А хотел бы узнать больше?

Иуда поднялся, прошелся от одной стены к другой. Галилеянин ждал, его руки нервно теребили подол хитона. Иуда снова окинул его долгим взглядом. Потом вспомнил скандал дома, разговоры родни, лица друзей отца.

– Хочу.

– Зачем?

– Хотя бы из-за того, что вы устроили тогда на площади. Только фанатик или безумец мог решиться на такое безнадежное предприятие, хотя это было смело.

Товия вспыхнул.

– Вот как? Фанатик или безумец. Зачем же ты тогда спас меня?

– Ты хочешь начать наш разговор сначала?

Иуда вернулся на место, теперь собеседники сидели лицом к лицу.

– Нет. Размышляю. Я действительно zelot, принадлежу к братству уже четыре года. Тогда на площади я выполнял приказ старейшин. Осия был одним из нас, мы не могли не попытаться спасти его.

– Ваш план был неисполним. Если отбивать осужденного, то никак не во время объявления приговора. Лучше по пути к месту казни, в толпе.

– Однако! Тебе-то откуда это известно?

– Это ясно, как день. На узких улочках это сделать гораздо легче, чем на площади, где римлянам в любой момент придет помощь.

– Откуда ты знаешь?

– Да это же младенцу понятно! Представь сам: площадь, оцепление, вы кидаетесь на стражу, и со всех сторон на вас набрасываются другие легионеры – верный провал; а вот улица, – увлекшись, Иуда взял нож и начал чертить прямо на столе, – узко, люди движутся колонной. Вы нападаете на стражу, их двое или трое, может четверо, но в любом случае уме-

ючи с ними можно справиться, пока другие подспеют на помощь, вы уже исчезнете. Главное – действовать быстро и слаженно.

Товия изумленно смотрел на него.

– Ты где-то обучался воинскому искусству?

– Отчасти. Я многому учился и много повидал.

– Когда ты успел? Ты же совсем молод.

– Да, мне лишь девятнадцать, но родители захотели дать мне образование и отправили учиться в Александрию, когда я был еще мальчиком.

– Хм... Тем лучше.

– Что?

– Я говорю: тем лучше.

– Для кого?

– Для нас.

– Объясни.

– Иуда, я пришел предложить тебе присоединиться к нам.

Юноша вскочил, его глаза вспыхнули. Но он молча отошел к окну, облокотился на стену, играя ножом, опустил голову в раздумье. Зелот сжигал его взглядом, ломая тонкими пальцами лепешку. Молчание снова затянулось, наконец, Иуда вскинул голову. К великому изумлению Товии, он был спокоен, по тонким губам змеилась усмешка.

– Благодарю за доверие, – он слегка поклонился, как показалось зелоту, с иронией. – Но я хочу знать, кто вы, во имя чего сражаетесь, чего добиваетесь. Расскажи, и я отвечу.

– Ты разве еще не понял?

– Предпочитаю услышать это от тебя, а не строить суждение на собственных догадках.

Юноша сел, откинулся на стену, не сводя с зелота внимательного взгляда.

– Ты прав, – Товия приосанился, сделал несколько глотков воды. – Мы – братство зелотов, еще нас называют сикариями или святыми убийцами. Нас очень немного. Но наша сила не в количестве, а в вере и непреклонности, в чистоте и дисциплине. Мы сражаемся не просто за свободу Израиля, хотя каждый из нас поклялся, что не успокоится, пока на нашей земле не останется ни одного чужеземца. Мы хотим вернуть чистоту Закона Моисеева, святость и простоту жизни прежних времен, чтобы жить так, как завещали пророки, как жили при Иисусе Навине, Соломоне, Маккавеях, чтоб возродилось былое величие нашей земли, исполнилось предначертание Господне. Ради этого мы не щадим жизни, забыли о земных радостях: не пьем вина, не прикасаемся к женщинам. И еще мы не перед кем не склоняем головы. Мы сражаемся против римлян, где только можем и других учим поступать так, но мы можем убить и своего, если он преступил Закон или сотрудничает с поработителями. Как воины Моисеевы, мы не знаем пощады, ибо только так можно добиться нашей великой цели.

Товия замолчал, переводя дух, его глаза горели вдохновением. Иуда по-прежнему хранил ледяное спокойствие. Снова повисла тишина.

– Так что? – нетерпеливо спросил зелот.

– Я понял тебя, – коротко кивнул Иуда.

– Это все, что ты можешь сказать?!

– Подожди, не кипятись. Такие вопросы не решаются сгоряча. Скажи, ты предлагаешь мне присоединиться от себя лично, или от имени братства?

– Я рассказал о тебе старейшинам и главе. Они считают, такой человек, как ты, будет очень полезен братству.

– Они готовы вот так просто поверить мне?

– Ты пройдешь обычные испытания. Я уверен, ты выдержишь.

– Не об этом речь. Мы видимся второй раз в жизни, ты почти ничего не знаешь обо мне.

И ты готов поверить, открыть мне доступ к вашим тайнам?

– Мы осторожны, умеем не подпускать чужих. Человек узнает о нас что-то конкретное только тогда, когда уже нерушимо связан с нами. Кроме того, – галилеянин грозно нахмурился, – ты не проживешь и часа, если мы поймем, что обманулись в тебе.

– Все ясно, – усмехнулся Иуда.

– Так что ты ответишь?

Юноша молча отвернулся к окну, постукивая пальцами по столешнице. Товия неподвижно ждал. На улице раздался грохот рассыпающихся досок, испуганный ослиный крик. Это вернуло Иуду к действительности.

– Есть ли у меня время подумать?

– Конечно.

– Сколько?

– До утра. Я буду ждать тебя в том гроте, который ты показал мне. Если решишься, приходи. Но знай – оттуда дороги назад не будет.

– Это я понял. Потому прошу время на размышление.

– Хорошо. Я подожду там до зари. Если придешь – будешь с нами. Если нет – больше никогда меня не увидишь.

– Согласен.

– Тогда прощай. Очень надеюсь, до встречи.

Товия протянул руку, усмешка снова скользнула по губам Иуды, но он подал свою.

– Прощай.

Галилеянин исчез. Юноша позвал хозяина.

– Я здесь, мой почтенный друг.

– Просил же, не зови меня так. Спасибо, что устроил все как надо. Держи, – он протянул Киренеянину пригоршню монет.

– Это слишком много, – замахал тот руками.

– Бери. За то, что нам никто не мешал. А ты, старый лис, если хоть что-нибудь слышал... Ладно, знаю я твои хитрости! Так вот, если ты слышал хоть что-нибудь, забудь сию минуту и навсегда. И вообще, на всякий случай: ни меня, ни этого человека ты не знаешь, никогда не видел. Понятно?

– Мне-то все понятно. А вот ты, друг мой, надеюсь, знаешь, что делаешь, – грустно ответил трактирщик.

– Симон! Ты забываешься, я не спрашивал твоего совета. Ценю твою дружбу, но сам разберусь, как мне жить и что делать.

– Да уж, твой нрав я давно понял! Иуда, это твоя жизнь, я не смею вмешиваться... Прошу только: хорошенько подумай, прежде чем принять решение. И знай: что бы ты ни решил, что бы с тобой ни случилось, мой дом открыт для тебя, здесь ты всегда найдешь приют и помощь. Помни это, прошу тебя! А я буду ждать тебя всегда.

Несколько секунд Иуда в изумлении смотрел на него.

– Почему, Симон? – тихо спросил он.

– Да потому что с того дня, как ты появился здесь впервые, я люблю тебя, Махайра. Господь не дал мне потомства, но, видно, послал тебя в утешение моей одинокой старости. Не отнимай его у меня, прошу.

– Симон! – выдохнул юноша. – Спасибо... друг мой, – он растроганно обнял трактирщика. – Надеюсь, я сумею сделать правильный выбор. А эти слова не забуду никогда, даже если мы больше не увидимся под солнцем. – Иуда оглядел таверну, словно в первый раз. – Мне пора идти своей дорогой, какой бы она ни была. Прощай. Благослови тебя Господь.

– Прощай, Иуда. Я верю, ты не ошибешься. Пусть Бог наставит тебя на верный путь.

– Аминь.

4

– Страшно? – тихо спросил Рувим, пока они пробирались среди валунов.

Иуда гневно оглянулся на него.

– Еще чего!

– Хорошо. Ты все помнишь?

– Зато ты забыл: я придумал этот план. Главное, чтобы все действовали четко.

Рувим не ответил, он чутко вслушивался в звуки ночи – далекое уханье филина, шелест травы под ногами. Где-то очень далеко взвизгнул шакал, раздался едва слышный лай.

– Почти пришли. Собак слышно, – Иуда остановился, оглядываясь. – Надо бы внимательно осмотреться, прежде чем идти дальше.

– Чего осматриваться? Я эти места отлично знаю. Деревня за холмом.

– Она никуда не денется. А вот римские патрули могли появиться. Не хотелось бы наткнуться на них раньше времени.

Рувим удивленно смотрел на него. Юноша только руками развел.

– Они ведь понимают: не базарного воришку стерегут, наверняка готовы ко всему.

Хевронец презрительно хмыкнул и хотел идти дальше. Иуда не тронулся с места.

– Рувим! Недооценивать противника – заведомый проигрыш.

– Зато ты их переоцениваешь. Мы делаем богоугодное дело, Всевышний поможет нам против нечестивцев.

– Не слишком ли много забот ты сваливаешь на плечи Господа? – усмехнулся Иуда. – Своего ума совсем не требуется?

– Но мы уже все решили.

– Планы почти всегда идеальны, только они очень редко исполняются. А все потому, что люди излишне самонадеянны.

– Ты мне нотации читаешь? – вскинулся Рувим, надвигаясь на юношу.

– Ох! Какие мы грозные! Весь дрожу! – насмешливо ответил Иуда, подходя к нему. – Ладно, хватит, – он резко переменял тон. – У нас много работы.

Иуда начал подниматься на холм, стараясь ступать как можно тише. Рувим сплюнул в досаде и поспешил за ним. «Проклятый выскочка! Меньше года в братстве, а гонору!» – злобно пробормотал он. На вершине Иуда внимательно осмотрелся. Внизу лежала Кана²⁵ – невообразимое скопище домов, сараев, хлевов с древним колодцем посередине. Селение казалось мирно спящим, но что-то было не так – как-то особенно злобно и отчаянно лаяли собаки, присутствовали другие, с такого расстояния непонятные, но непривычные звуки.

– Ну, что скажешь? – обратился Иуда к спутнику.

– Вроде, все спокойно.

– Да? А почему собаки лают, не переставая? Нас учуять не могли – ветер в нашу сторону. Что-то не в порядке.

– Слушай, испугался – так и скажи! – взорвался Рувим. – Хватит уже чушь городить!

– Дурак! – не сдержался Иуда. – Я стараюсь, как лучше, а ты все дело готов испортить! Своя голова не дорога – о других подумай.

– Ах ты, щенок! – Рувим схватился за нож. – Да что ты о себе вообразил! Образованный нашелся! Я тебя проучу!

Вместо ответа юноша бросился на землю и увлек спутника за собой.

– Ты что?!

²⁵ Упомянутое в Евангелии от Иоанна поселение в Галилее. Идентифицируется с существующим ныне городом Кафр-Кана северо-восточнее Назарета.

– Смотри! – Иуда указывал куда-то вниз.

Хевронец взглянул и увидел далекий огонек, яркий среди ночной темноты.

– Огонь, ну и что? – возмущенно спросил он.

– Тише! Это огонь не в доме. Костер.

– Да что из этого?

– Подумай, кому понадобилось посреди деревни ночью раскладывать костер.

– Мало ли... Чего ты разволновался?

– Проклятье! Далеко! Не разобрать, – юноша напряженно вглядывался во мрак.

Рувим шумно вздохнул. «И из-за чего сыр-бор!» – пробормотал он.

Миновав очередное облако, луна засеребрилась в небесах, скудно освещая долину. Иуда отпрянул и сильнее вжался в землю.

– Что там?

– Я готов поклясться, это отблески на доспехах легионеров. Посмотри сам.

Не переставая ворчать, Рувим снова взглянул вниз.

– Как ты что-то видишь в такой темноте?

– Вижу. Я уверен, это римляне развели костер – какой иудей по своей воле впустит их в дом, а ночь холодная.

– Это точно, – согласился старший, зябко съежившись. – Я бы тоже не прочь согреться.

– Судя по игре света, их там человек десять. Это только те, которых мы видим, – продолжал юноша, не обратив внимания на его слова. – Что будем делать?

Рувим задумался.

– Во всяком случае, здесь торчать смысла нет, – ответил он после паузы. – Надо спуститься и затаиться до рассвета где-нибудь с другой стороны холма. А на заре осмотримся еще раз и тогда разберемся.

– Ладно. Только надо перехватить Товию и Симона, чтобы они не сунулись в деревню.

– Давай спустимся, и я пойду встречу их.

– Почему ты?

– Я лучше знаю эти места.

Иуда только усмехнулся и начал спускаться с холма.

* * *

Луна неторопливо ушла с небосклона. Иуда и трое его товарищей сидели в маленькой расселине, образованной двумя выступами породы, кое-как заслонявшими от пронзительного ветра. Мужчины спали. Расслабленно откинувшись на большой валун, юноша отрешенно вглядывал в восточный край неба, где едва разгоралась заря. Восход занимался трудно, но его краски были яркими и грозными, как обычно в месяце шват²⁶.

С первыми лучами солнца пришел рассветный холод. Но Иуда улыбнулся новому дню, не обращая внимания на то, как стынет тело под легкой одеждой. За девять месяцев он успел привыкнуть к такой жизни: опасностям, каждодневным тренировкам, единственному, уже порядком обветшавшему хитону, ночному холоду, долгим переходам. Прежние привычки к дорогим вещам, хорошему вину, длительным неспешным беседам почти забылись. Он был доволен, ощущал свою ценность, его хвалили старейшины и старшие товарищи, доверяли серьезные дела. Новая жизнь была наполнена смыслом и делом.

С такими мыслями Иуда задремал. Краешек солнца показался из-за горизонта, озаряя его спокойное лицо. Торопливые лучи добрались до ножа, висевшего на груди, ухоженная сталь

²⁶ Месяц еврейского года, соответствующий январю – февралю и зодиакальному Водолею.

нестерпимо заиграла ало-оранжевыми бликами. Иуда спал, не обращая внимания на буйство света.

Вдруг он вздрогнул, открыл глаза. Вокруг по-прежнему было тихо. Но Иуда резко поднялся. «Господи! Сколько же можно? Полгода прошло!» – тихо посетовал он в небеса. Снова снилось лицо человека, которого он убил при испытании кровью. Это был зажиточный землевладелец из Лода²⁷. Натан говорил, во время войны Иуды Гавалонита²⁸ он выдал их отряд римлянам, более сотни человек погибли, сам старейшина чудом спасся только потому, что римляне сочли его, израненного, истекающего кровью, мертвым. За предательство человек получил от поработителей вознаграждение, с которого началось его богатство. Иуда очень четко помнил, как проник во двор дома, как закричал маленький сын богача, а тот сжался в комок и замер, посерев от ужаса, помнил, как железным голосом произнес обвинение и приговор братства и недрогнувшей рукой вонзил нож в грудь землевладельца. Потом был одуряющий запах крови, от которой руки и клинок стали липкими и теплыми, плач мальчика и окрик Товии, вернувший его к действительности.

Иуду передернуло от воспоминаний. Он оглядел товарищей, осторожно тронул Товию за плечо. Тот моментально проснулся.

– Что такое?!

– Вставать пора, Товия. Рассвело.

Двое остальных тоже были уже на ногах. Мужчины взглянули друг на друга.

– Пора, – коротко сказал галилеянин. – Господь ждет от нас избавления последнего потомка Маккавеев²⁹ от рук нечестивцев.

Все молча кивнули.

– Надо кому-то пойти вперед на разведку.

– Наверно опять мне, – предложил Рувим.

Товия не склонен был возражать.

– Нет, при свете дня я сделаю это лучше, – заметил Иуда.

– Почему?

– Посуди сам.

Товия понял – он оглядел массивную неуклюжую фигуру Рувима, рядом с которым невысокий, худощавый Иуда казался мальчишкой, и невольно улыбнулся.

– Он прав, Рувим – от тебя много шума.

Хевронец обижено засопел. Юноша примиряюще улыбнулся.

– Нам понадобится вся твоя сила, Рувим. Готовься к битве. Встретимся, где договорились? – обернулся он к Товии.

– Да. Иди. Только осторожней, прошу тебя.

²⁷ Лод (Луд или Лидда) – древний город юго-восточнее Тель-Авива. Впервые упоминается в египетских документах XV века до н. э. С V века до н. э. был центром иудейской учености. Не раз упоминается в Новом Завете.

²⁸ Иуда Гавалонит (Галилеянин) – вместе с фарисеем Саддуком стоял во главе восстания галилеян, вызванного переписью, которую предпринял римский наместник Квириний. Это произошло в год смерти Ирода Великого (историки до сих пор спорят, умер он в 4 или 1 году до н. э.) Восстание было подавлено, сам Иуда был убит, но его род сохранил значение среди zelотов.

²⁹ В 165 году до н. э. в Иудее вспыхнуло восстание. В то время Иудеей правил Антиох IV Епифан, греко-сирийский царь Селевкидской державы, который проводил жестокую политику эллинизации еврейского населения Иудеи. Ключевым элементом такой политики было стремление заставить евреев отказаться от своей веры и навязать им греческую религию. Апогеем гонений на иудаизм стало разорение Храма. Оскорбленное религиозное чувство вызвало взрыв негодования, который вылился в вооруженное восстание. Знамя борьбы подняли Маттафия Хасмонеи и пятеро его сыновей, уроженцы городка Модииин. Во главе восставших встал его сын Иегуда, получивший прозвище Макаби (в православной традиции – Иуда Маккавей). Восстание победило, и династия Хасмонеев правила независимой Иудеей почти 120 лет (с 152 по 37 годы до н. э.).

* * *

С воинственным кличем Симон устремился вперед. У Иуды вырвалось проклятие. Они с Товией бросились вслед за идумеем³⁰, а с другой стороны дороги уже подбегал Рувим.

Римляне немедленно сомкнули кольцо стражи вокруг пленника, ощетинились копьями. Симон схватился с ближайшим стражником, повалил, они покатались по земле. Товия, выхватив меч, набросился на другого.

Иуда, сделав кульбит, подкатился в ноги к декуриону³¹ и ударил клинком снизу туда, где кончается панцирь. Легионер упал и забился в предсмертных судорогах. На юношу, не успевшего подняться, набросился еще один.

Рядом оказался Рувим, он обрушил огромную дубину на голову солдату, римлянин рухнул, словно подкошенный. Иуда вскочил, выхватил из рук упавшего меч и поспешил на помощь к Товии, которого теснили сразу двое. Ближайший обернулся к нему, отразил первый яростный натиск. Они схватились. Отбивая очередной удар, Иуда отпрыгнул в сторону и, на мгновение оказавшись позади противника, ударил его мечом по шее.

Получив секундную передышку, он огляделся. Симон справлялся уже со вторым противником, Товия ловко фехтовал со своим визави, Рувим, завладев щитом, обрушивал его на головы легионеров. Иуда кинулся к Оvidу, одним ударом разрубил веревки, отдал меч.

Солдаты теснили их. Сбившись в кучу, zeloty отступили к окраине селения. Врагов было слишком много – не меньше двенадцати. Их прижали к стене. Жители Каны, сгрудившись в стороне, наблюдали, чем кончится дело, и помогать не рвались.

- Проклятие! – вырвалось у Товии, когда он пересчитал легионеров.
- И я о том же, – спокойно ответил Иуда. – Придумал, как выбраться?
- Издеваешься?
- Интересуюсь.

Пятеро мужчин замерли перед сомкнутым строем легионеров, давая себе передышку. Римляне тоже остановились, ожидая, может быть, что безумцы предпочтут сдаться.

Вдруг Рувим, отдав уже изрядно помятый щит Товии, схватил громадное бревно, лежащее неподалеку, и со страшным криком швырнул его в середину строя. Четверо солдат упало. Возникла куча-мала, в которой барахтались ошеломленные легионеры. Воспользовавшись их замешательством, остальные кинулись в бой. Безоружный Рувим, словно обезумев, бросился на ближайшего солдата и тут же был пронзен мечом. Но падая, он придавил убийцу своим телом, римлянин на время выбыл из строя.

Против Иуды оказалось сразу трое. Юноша ловкой подсечкой сбил с ног одного и, прежде чем легионер успел опомниться, ударил его в грудь. Римлянин затих. Иуда выхватил из его

³⁰ **Идумей** – жители Идумеи (Эдома). Согласно Книге бытия, были потомками Исава, старшего сына патриарха Исаака. Жили в Негеве и Северном Синае, говорили на эдомском языке. Родство идумеев и евреев особенно подчеркивается в Книге Второзакония. Однако отношения между этими народами были довольно сложными. В период своего могущества Идумея была сильным независимым соседом Израильского царства, затем, примерно в середине X века до н. э. ее покорил царь Давид, идумейцы стали его данниками, часть ушла в Египет. Во время правления царя Иорама (851–843 годы до н. э.) Идумея снова обрела независимость. В 586 году идумейцы вместе с вавилонянами участвовали в осаде и разрушении Иерусалима, к концу VI в. до н. э. они овладели частью Южного Израиля. В конце II века до н. э. западные идумейцы были насильственно обращены в иудаизм царем из династии Хасмонеев Иоанном Гирканом (134–104 годы до н. э.). Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» пишет об этом так: «Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумейцев, позволил им оставаться в стране, но с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейскими. Идумейцы действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого же времени они совершенно стали иудеями». Идумеем по крови был Ирод Великий. Амаликитяне – один из наиболее проклинаемых народов в Ветхом Завете, были особой ветвью идумеев.

³¹ **Декурион** – младшее офицерское звание в римском легионе. Командовали небольшими, в несколько десятков человек, отрядами конницы в составе легиона.

руки меч, повернулся и кинулся бежать. На миг он увидел налившиеся кровью глаза Симона. Легионеры бросились за ним. Пробежав шагов двадцать, Иуда резко остановился и молниеносным выпадом ударил первого из подоспевших. Римлянин на бегу не успел закрыться щитом и упал с распоротым горлом. Второй остановился и медленно пошел на него. У Иуды деревенели руки, глаза застилал пот. Чувствуя, что сил почти не осталось, юноша стиснул зубы и отчаянно ударил с такой яростью, что меч сломался у самой рукояти, а щит легионера раскололся. Римлянин с рычанием отбросил обломки, прыгнул на него, повалил. Они катались в пыли, стараясь задушить друг друга. Вдруг перед глазами юноши возник Товия, и легионер рухнул на него всей массой, пронзенный ударом в спину.

Галилеянин помог Иуде выбраться из-под мертвого тела. Оглядевшись, он увидел, что все римляне, живые и мертвые, лежат на земле. Симон хладнокровно добивал раненых, Овид стоял на коленях над телом Рувима. Иуда с трудом перевел дух. Он мог, наконец, рассмотреть того, ради кого они затеяли все это. Овиду было уже глубоко за пятьдесят. Его некогда высокая и статная фигура сгорбилась, волосы стали белы, словно вызревший лен, а на лице, изборожденном глубокими морщинами, казалось, навсегда застыла печаль.

К Иуде подошел Товия, протянул ему нож.

– Твой. Спасибо! Ты вовремя!

– Не за что... – Иуда вытер клинок. – Кажется, мы это сделали.

– Да. Только не так, как задумывали.

– Я же говорил: идеальны только планы... О Боже! – Иуда оглянулся на предсмертный хрип римлянина и невольно отвернулся, увидев, как Симон спокойно вытирает меч о траву. – Скажи, это обязательно было делать?

– Что? – не понял Товия.

– Добивать их.

– Конечно! Никакой жалости к врагам Израиля.

Иуда не ответил. Он подошел к Оvidу, все еще склоненному над трупом Рувима, почтительно поклонился.

– Привет тебе, Овид – потомок Маккавеев. Я рад, что Господь помог нам спасти тебя.

– Зачем вы это сделали? – спросил спасенный.

Иуда замер, ошеломленный.

– Зачем вы это сделали? – повторил Овид. – Я был готов умереть за свободу, но не хотел стать причиной гибели других. Посмотри, ваш товарищ погиб. А что теперь римляне устроят здесь – в Кане? Они же никогда не поверят, что жители ни при чем.

– Умереть за свободу легче, чем сражаться за нее, – Товия неслышно подошел к ним. – Или кровь славного рода освободителей Израиля иссякла? Или сердце твое утратило мужество, а рука разучилась владеть мечом? Ты нужен нам, Овид. За тобой – потомком Иуды Маккавея пойдут люди, чтобы снова сбросить чужеземное иго.

– Нет, – печально покачал головой старик. – Мне много лет, тело мое утратило прежнюю силу, а кровь – жар. Я всю жизнь сражался за свободу и все потерял: дом, семью, друзей. Я искал только смерти, а вы отняли ее у меня, окупили ненужную мне жизнь кровью многих. Я не могу благодарить за это и не пойду с вами.

Он отвернулся и медленно пошел прочь.

– Старик! Ты обезумел! Опомнись! – Товия догнал его, схватил за руку. – Почтенный Овид, ты устал, настрадался, я понимаю. Но пойдём к нам, ты отдохнешь, увидишь наших людей, поговоришь со старейшинами и поймешь, где твое место, в чем долг перед Израилем и Господом. Мы жизнью рисковали, чтобы ты был с нами!

Старик вырвал руку.

– Нет! Я никуда с вами не пойду. Мне теперь предстоит лишь одна дорога, на которой не нужны провожатые. А вы... Бог вам судья! Прощайте.

Овид зашагал по дороге к холмам. Иуда и Товия в молчании смотрели ему вслед.

– Он что из ума выжил, этот старый дурак? – раздался за их спиной голос Симона.

– Нет, он просто сломался. Он не мужчина больше. Эх, сколько усилий напрасно! И Рувим... Такого бойца потерять из-за этой старой развалины! – галилеянин в досаде плюнул.

– Он сделал свой выбор, как каждый из нас. Выбор за человека никто не может сделать, – тихо сказал Иуда.

Товарищи то ли не услышали, то ли предпочли не заметить этих слов.

5

Иудея веселилась. Улицы Иерусалима, убранные ради Жатвы³², напоенные ароматами цветов, которыми так славится месяц сиван³³, были полны народа. Люди улыбались и пели, отцы были ласковы с детьми, в глазах мужей светилась забытая любовь к женам. Светлый праздник разбередил усталые души иудеев, заставив их забыть на время обо всех печалях и невзгодах.

Только римская стража, хмурая и настороженная, не могла разделить всеобщего ликования. Они ходили по городу большими группами, молчаливые, напряженные, просеивая толпу внимательными взглядами.

Иуда шел по знакомым улицам, невольно отдавшись очарованию праздника. Годы летели, а город не менялся, каждый раз встречая его знакомыми запахами, звуками и суетой. В этот раз он пришел сюда один, не спросив разрешения у старейшин, не сказав, куда идет.

Не то чтобы впервые за пять лет ему захотелось домой, просто вдруг невыносима стала сама мысль о праздновании Жатвы в братстве. Он слишком хорошо представлял чинную трапезу, напыщенную речь Натана или Михаила, набившие оскомину разговоры об одном и том же. Он сбежал от этого и одиноко шел по городу, отдавшись его могучему зову, пробудившему воспоминания и мысли, которым в другое время он не давал воли.

Пойти в Храм принести положенные жертвы он так и не смог – Скиния, залитая кровью, пропитанная чадом горящей плоти вызывала у него только отвращение. Он долго стоял у Красных ворот, наблюдая за людьми, но даже воспоминания детства, их семейных походов сюда не заставили его совершить предписанный Законом обряд.

– Прости меня, Боже! Сам я стал таким, Ты ли создал меня так – не знаю. Но я не могу!.. Господи, все руках Твоих! Да свершится Твоя воля!

Слова утонули во всеобщем шуме. Иуда решительно спустился с храмовых ступеней и свернул в тихую улочку, сразу отделившую его от городской суеты. Она привела его в богатый квартал, в котором жили чиновники и зажиточные коммерсанты.

Здесь, в конце улицы, под сенью пальм, был его дом. За эти годы он несколько раз приходил сюда, украдкой заглядывая в низкие окна или прислушиваясь к разговорам. Дома все оставалось неизменным, словно и не было у книжника Никодима беспутного старшего сына, четыре года назад сбежавшего к разбойникам. Иуда замедлил шаги и осторожно выглянул за поворот – ему очень не хотелось сталкиваться с кем-то из знакомых или родных. Вдали маячили несколько мужских фигур, слышался неспешный разговор. Узнав в одном из собеседников отца, он отпрянул и вжался в стену. Разговор постепенно удалялся, потом совсем смолк. Иуда отделился от каменных плит, решительно миновал поворот, ведущий к дому, и поспешил покинуть пределы Верхнего Города. Небо стало сапфировым, солнце стояло еще высоко, но тени стали чуть глубже, отчетливей. Он ускорил шаг, почувствовав, как от сытных ароматов, исходивших отовсюду, недовольно заворчал его желудок.

Иуда торопился, предвкушая ужин в компании Киренеянина. Ноги уверенно несли его по родному городу, а мысли были где-то далеко. Улицы стремительно пустели – каждый спешил домой к праздничной семейной трапезе. С невольной грустью Иуда смотрел на прохожих – один в огромном городе, он прекрасно знал, ему торопиться некуда.

³² **Праздник Шаувот** (Жатва или Пятидесятница). Его основной религиозный смысл – дарование евреям Торы на горе Синай на пятидесятый день исхода из Египта. В этот день отмечалось окончание сельскохозяйственного цикла. В Храме делали приношение пшеницы нового урожая.

³³ Месяц еврейского года, соответствующий маю – июню и зодиакальным Близнецам.

– Лизия, куда же мы попали? Ты уверяла, что хорошо знаешь дорогу! – мелодичный девичий голос отвлек его от раздумий.

В сгущающемся мраке Иуда разглядел две женские фигурки – изящную, тонкую, закутанную в целомудренное темное покрывало и дородную женскую, одетую в простое платье. Удивленный, он остановился и прислушался к разговору.

– Прости, госпожа, – говорила та, что была старше. – Этот город совсем сбил меня с толку. Должно быть, мы свернули не в тот поворот, когда уходили с Храмовой площади.

– Что же делать? Совсем стемнело, на улицах никого, мы не знаем даже, где оказались.

– Не волнуйся, госпожа. Я уверена, мы найдем дорогу.

– Конечно! Может, утром, а может, через неделю. Представляю, как разгневается отец, если мы вовремя не явимся к трапезе. Он не знает даже, где нас искать.

– Прости, госпожа, не могу ли я чем-нибудь помочь? – сообразив, в чем дело, Иуда решил вмешаться и вышел на середину улицы.

Увидев мужчину, перегородившего им путь, женщины с криком отпрянули.

– Кто ты? Что тебе нужно? – грозно спросила старшая, загораживая спутницу своей массивной фигурой.

Иуда улыбнулся.

– Вам не надо бояться меня. Простите, но я случайно услышал несколько последних фраз из разговора и понял, что вы оказались в затруднительном положении.

– Ты прав. Мы заблудились и не знаем, как попасть домой.

– Это печально, но не так страшно. Госпожа, если тебе угодно будет принять мою помощь, вы скоро окажетесь дома.

– Каким же образом? – вступила в разговор младшая, голос ее дрожал, но тон был уверенным, даже надменным.

– Я отлично знаю город и могу проводить вас, если хотите, – снова улыбнулся Иуда, беззастенчиво рассматривая ее.

– Но... это неожиданное предложение, – растерялась Лизия.

Иуда ждал, глядя на девушку.

– Это великодушно, – заговорила она после короткого замешательства. – Но кто ты? Почему хочешь помочь?

Девушка с сомнением оглядела его бедную, потрепанную одежду, разметавшиеся, давно нестриженные волосы, но смешалась под пронзительным взглядом изумрудных глаз и стыдливо опустила голову.

– Я – прохожий, услышавший, что две женщины попали в затруднительное положение. Разве не прилично мужчине в таких обстоятельствах предложить помощь?

– Да, конечно. Только...

– Только ты не ожидала услышать подобное от нищего оборванца, каким я кажусь?

– Ты умеешь читать чужие мысли? – удивленно спросила девушка.

– Иногда. Эта мысль слишком ясно отражалась на твоём лице.

Девушка в смущении совсем закуталась в покрывало.

– Так что, ты позволишь проводить вас? Скоро совсем стемнеет, двум женщинам опасно бродить по городу, даже в праздничную ночь.

Две пары глаз еще раз в сомнении оглядели его.

– Никогда не думала, что окажусь в таком странном положении, – задумчиво проговорила младшая.

Иуда подошел на шаг, протянул руку. Последние проблески заката осветили его лицо.

– Я не причиню зла. Доверься мне, – тихо произнес он, обращаясь только к девушке.

Она не вскрикнула, не отпрянула, словно замороженная, смотрела на него. Иуда почувствовал, как этот взгляд проникает в душу.

– Хорошо, – ответила она, наконец, – я верю тебе. Пожалуйста, проводи нас.

– С радостью. Только куда?

Женщины растерянно переглянулись.

– Мы живем в Верхнем Городе, в квартале по правую руку от большого дворца из белого мрамора.

– С золотой крышей и портиками?

– Да...

– Тихий квартал с зелеными улицами и богатыми домами?

– Откуда ты знаешь?

– Догадался. Что ж, идите за мной, но путь предстоит долгий.

– Долгий? Ох, как же рассердится отец!

– Напротив, очень обрадуется, когда дочь, целая и невредимая, вернется домой прямо к праздничному ужину.

Девушка не нашлась с ответом, улыбнулась одними глазами, кутаясь в покрывало.

Шли неторопливо. Темные улицы казались таинственными, многочисленные переулки, закоулки и тупики угрожающими. Девушка время от времени поднимала глаза на провожатого, Иуда отвечал успокоительным кивком и улыбкой.

При ярком свете почти полной луны он смог как следует разглядеть своих спутниц. Лизия была уже немолода, крепко сбитая, плотная, она сурово несла свое большое тело, что-то ворча на ходу. А девушка... Иуда с трудом сдерживался, чтобы откровенно не любоваться этим прелестным творением Всевышнего. Миниатюрная, стройная, изящная, она напоминала египетские статуэтки, даже широкая накидка не могла скрыть ее точеную фигуру. Светло-каштановые волосы, отливавшие золотом в свете луны, тяжелой волной накрывали плечи, оттеняя нежно-персиковый цвет кожи.

Чуть запыхавшись, девушка откинула покрывало, Иуда увидел ее лицо с правильным греческим носом, свежими, словно утренняя роза губами и огромными миндалевидными глазами под угольно-черными бровями. Широко распахнутые, в лунных лучах они показались ему золотыми. Вглядевшись, Иуда понял, что почти не ошибся – светло-карие, опущенные темными ресницами, они действительно были золотистыми, в их глубине тлели озорные искорки. Пораженный этой очаровывающей красотой, Иуда ускорил шаг.

Мрак постепенно сгущался, девушка придвигалась все ближе, пока не оказалась совсем рядом. Молодой человек почувствовал ее горячую ладонь на своей руке. Он остановился, обернулся в изумлении.

– Мне страшно, – виновато сказала девушка. – А рядом с тобой нет.

– Польщен. Но бояться не надо. Мы уже недалеко. Взгляни, – он осторожно освободил руку, указал куда-то вперед. – Видишь, золото поблескивает в лунном свете?

– Что это?

– Крыша Дворца Ирода. А оттуда рукой подать до твоего дома.

– Откуда ты так хорошо знаешь город?

– Я родился и вырос здесь.

– А ты... кто?

– Тебе нужно имя?

– Хотелось бы.

– Зачем?

– Чтобы знать, на кого призывать благословение Бога.

– О, это слишком много за столь ничтожную услугу! Оставь его для других.

– Я хочу для тебя, – капризно и ласково ответила девушка. – Так назовешь свое имя?

– Почему бы и нет. Меня зовут Иуда.

– И все?

- Да, просто Иуда.
- Странно. Хорошо, я запомню.
- Молодой человек засмеялся.
- Для чего? Вряд ли мы снова встретимся. Случайности, тем более счастливые, не повторяются дважды.
- Кто знает! А почему ты не спросишь кто я?
- Не смею, – смутился он, быстро отворачиваясь.
- Улыбка исчезла с лица девушки. Она растерянно взглянула на него.
- Мне незачем таиться. Я Мирра – дочь Исаака, торговца тканями из Александрии.
- Счастлив нашему знакомству, Мирра. Какое журчащее имя! Слово воды Иордана.
- Да ты поэт, Иуда!
- Нет, – ответил он, отводя глаза. – Просто Жатва, прекрасная лунная ночь, рядом со мной идет самая красивая девушка из всех, кого я видел.
- Краска бросилась ей в лицо, она стыдливо закуталась в покрывало.
- Спасибо! Похвала из достойных уст всегда приятна.
- Не за что. Я просто сказал правду.
- Лизия неодобрительно засопела позади них. Мирра поспешила сменить тему.
- Уже совсем поздно. Разве твои родные не будут волноваться?
- Нет.
- Почему? Праздник, вся семья должна быть вместе.
- Иуда не ответил, только улыбнулся чуть печально.
- Прости, если спросила лишнее.
- Ничего...
- Наступило неловкое молчание. Иуда заторопился, чувствуя, что сердце стало биться неровно. Мирра снова схватила его за руку. Громада Иродова дворца скрыла от них луну, они оказались в полной темноте. Девушка испуганно ахнула, сильнее приникла к нему, Иуда невольно замедлил шаг.
- Ты словно видишь в темноте, – услышал он позади ворчливый голос Лизии.
- Конечно. Не бойтесь, я знаю, куда иду.
- Я не боюсь, – подала голос Мирра. – Только не отпускай мою руку.
- Иуда снова не ответил. Наконец из темноты выплыл белый фасад дома менялы Исмаила – первый в их квартале.
- Лизия радостно ахнула.
- Я узнаю это место, госпожа! Мы совсем близко.
- Слава Всевышнему! Но мы дошли так быстро, а ты говорил, путь далекий, – повернулась она к Иуде.
- Я рад, что дорога не утомила тебя, – напряженно ответил он.
- Нет. Побродить по ночному Иерусалиму даже интересно, особенно в сопровождении человека, который может тебя защитить.
- Госпожа! – укоризненно ахнула Лизия.
- Что такое? – невинно обернулась к ней девушка.
- Иуда выпустил руку девушки.
- Мы пришли. Осталось только найти ваш дом.
- Вон он на углу за невысокой оградой! – воскликнула Мирра.
- Хвала Господу! Теперь я спокоен и с легким сердцем могу покинуть вас.
- Как, ты уходишь?
- Я сделал, что обещал. Мне пора.
- Да, конечно, ему пора, госпожа, – вмешалась Лизия.
- Жаль.

Девушка откровенно смотрела на него, Иуда не в силах был отвести взгляд от ее лица.

– Мы всего две недели живем в Иерусалиме. Ты первый, с кем я познакомилась.

– Это честь для меня, Мирра.

– Как я могу отблагодарить тебя за услугу?

– Не стоит благодарности. Я был рад помочь.

– Госпожа, нам пора.

– Иду, Лизия. Что ж, прощай Иуда. Спасибо тебе.

– Прощай, Мирра. Благослови тебя Бог, – он учтиво поклонился, резко отвернулся и торопливо пошел прочь.

– И тебя. Может, еще встретимся, – тихо вслед ему сказала девушка.

Иуда услышал, обернулся. Его лицо осветилось грустной улыбкой.

– Вряд ли. Но я не забуду этот вечер.

Он махнул рукой и скрылся в темноте.

6

Город был измучен зноем. Небывалая жара стояла в Иудее в этом месяце аве³⁴. Камни раскалялись и начинали крошиться, трава выгорела, земля растрескалась. В преддверии сбора плодов и маслин люди скорбно качали головами, подсчитывая убытки от этой напасти.

Иуда шел по Иерусалиму и вспоминал римские термы. Стены и камни были так пропитаны жаром, что улицы больше походили на плавильные печи.

Уже больше часа он бесцельно бродил по городу. Какое-то странное предчувствие томило душу. Товия и Симон давно отстали, задержавшись в шумной таверне у рынка. А он пошел дальше, не зная, куда и зачем. Засмотревшись на играющих мальчишек, он споткнулся о неровные камни мостовой и налетел на какую-то женщину.

– Ох! Глаза ты забыл?.. – гневно воскликнула она.

– Это ты! – Лизию прервал радостный женский возглас.

Иуда обернулся и увидел Мирру. Он вздрогнул. Девушка стояла перед ним, очаровательно улыбаясь, вся пронизанная солнцем, ее золотистые глаза сияли. Теперь, при ярком свете, она казалась еще красивее.

– Приветствую тебя, госпожа, – сдержанно поклонился Иуда.

– Я знала, мы еще встретимся! Рада видеть тебя.

– Я тоже рад. Лизия, прости, не хотел. Просто споткнулся о камень.

– Ничего, – проворчала женщина. – Госпожа, мы встали прямо посреди улицы.

Девушка не ответила ей. Она смотрела на Иуду.

– Как странно, нас второй раз сводит случай.

– Да, странно... Впрочем, у него свои причуды. Вы с базара?

– Ты – волшебник, все угадываешь.

– Просто я умею быть внимательным, – с невольной улыбкой ответил Иуда, указывая на полную корзину в руках Лизи.

– Ох, правда, все так просто, – рассмеялась Мирра.

– Как, вы успели тогда к праздничной трапезе?

– Опустили, конечно. Но мы объяснили отцу, что заблудились, он не очень бранил нас.

– И даже снова отпустил в город одних.

– Что же делать? Кто-то должен вести хозяйство.

– А твоя мать?

– Она умерла семь лет назад.

– Прости!

– Ничего. А у тебя тогда состоялась праздничная трапеза?

– Да.

Они замолчали, глядя друг на друга. Несколько нелестных фраз, оброненных в их адрес каким-то прохожим, вернули их к действительности. Иуда первым опустил глаза.

– Мне пора. Меня ждут.

– Очень жаль. Я бы снова попросила тебя проводить меня.

– А я бы отказался. В твоём квартале девушке не принято появляться в сопровождении незнакомого мужчины, особенно одетого как я.

– А как же тогда?

– Была ночь, ты не знала дороги.

– Да, правда... Ладно, меня тоже ждут дома. До свидания, Иуда.

– До свидания, Мирра.

³⁴ Месяц еврейского года, соответствующий приблизительно июлю – началу августа и зодиакальному Льву.

Они с трудом отвернулись друг от друга, и толпа разделила их.

Глава 2

Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?

Иов 7: 20

1

Они бежали и слышали сзади неотстающий топот погони. Вот остался позади водоем Езекии, замаячили Давидовы стены, а они все бежали по кривым улицам Иерусалима, чувствуя, как в спину им дышит смерть. Шехем в очередной раз споткнулся, его рука на мгновение ослабла, Иуда едва успел подхватить юношу. Тот не сдержал стона, судорожно ухватил товарища за шею и поднял на него страдальческий взгляд.

– Я не могу больше... Оставь меня. Спасайся сам.

– А ну замолчи! – не останавливаясь, резко осадил его Иуда.

– Они близко... Не спасись вдвоем...

В порыве самопожертвования мальчишка хотел, было высвободиться из рук товарища.

– Без глупостей! Лучше держись крепче!

Они бежали дальше, уже по Предместью. Шехем все тяжелее повисал на плечах Иуды. Тот с беспокойством оглядывался на юношу, соображая на ходу, где бы укрыться от стражи.

Впереди зазеленели заросли акаций, наполняя воздух терпким запахом. Иуда повлек товарища туда. Они затаились под густым шатром низко клонящихся ветвей.

– Зажми рану как можно сильнее и замри, – приказал Иуда, чутко вслушиваясь.

Погони не было, стражники устремились прямо к Яффским воротам. Убедившись, что опасность миновала, Иуда повернулся к товарищу.

– Как ты?

Шехем ответил тихим стоном. Молодой человек отстранил его руку, поднял рубаху и увидел на правом боку юноши длинную кровоточащую рану. Он нахмурился.

– Плохо дело? – испуганно спросил Шехем.

Иуда ободряюще улыбнулся.

– Вот еще! Слава Всевышнему – не глубокая. Главное – кровь остановить. Так что терпи, больно будет.

Разорвав низ своего хитона, он быстро наложил тугую повязку.

– Ну вот. Теперь все хорошо. Знаю, ты пить хочешь. Но выбираться пока опасно. Потерпи немного. Я позже принесу воды.

Шехем молчал, изумленно глядя на него.

– Ты чего?

– Ты не сердись на меня, Иуда?

– За что я должен сердиться?

– Мне кажется, старейшины осудили бы меня. Ведь я выдал нас, подверг тебя опасности ради... Это было...

– Глупо и бессмысленно? – чуть улыбнулся Иуда. – Да, так сказали бы Иорам и Натан, может быть, Михаил и еще Анания.

– А ты?

– Я – нет. Не все поступки измеряются разумом и расчетом.

Он осторожно приподнял покров веток, выглянул наружу. Вокруг по-прежнему не было ни души.

– Ты ведь очень любил Хушая?

– Конечно. Брат воспитывал меня с детства, заменил мне родителей после их смерти.

– Знаю. Потому ты выбрал его путь и пришел к нам, как только вырос?

– Да. И поэтому я сегодня...

– Убил его, чтобы избавить от мучений, – очень мягко произнес Иуда.

Шехем благодарно приник щекой к его руке. Старший обнял его за плечи.

– Ты молодец. Мало у кого достанет мужества совершить такое.

– Мы с Хушаем дали друг другу слово, что поступим так, если кого-нибудь из нас схватят, и его невозможно будет спасти.

Иуда опустил голову.

– Невозможно спасти... А мы и не пытались...

– Да, старейшины отказали, объяснили: нельзя жертвовать многими во имя одного.

– Они так сказали? – резко спросил Иуда, сверкнув глазами. – Кто?

– Натан, – с удивлением ответил Шехем.

– Понятно. Чего еще ожидать!..

– Что-то не так? – спросил юноша с возрастающим изумлением.

– Ничего. Я так... о своем. – Иуда уложил товарища на землю, накрыл своим плащом. – Тебе надо отдохнуть. Выбраться из города будем ночью. Спи, я покараулю.

Шехем благодарно кивнул, с наслаждением вытянулся в густой, дурманящей ароматом траве. Его глаза сами собой закрылись. Скоро он уже крепко спал. Иуда сидел рядом, любуясь игрой света среди ветвей. Солнце медленно ползло к зениту, было тихо, лишь усыпляюще шелестели ветви и время от времени возились и щебетали какие-то маленькие суетливые птицы.

Иуда сам почти задремал, когда недалеко раздались голоса и смех. Он вскочил, схватившись за нож, прислушался. Голосов было несколько, звонкие, юные, они не оставляли сомнений в том, кто их обладатели. В час послеполуденного зноя, когда улицы Иерусалима невыносимо раскалились под беспощадным в середине лета солнцем, компания девушек пришла сюда – в старый заброшенный сад – провести свободное время. Иуда замер. «Проходите! Проходите дальше!» – мысленно просил он, надеясь, что подругам не придет в голову отдохнуть под акациями. К счастью, разговор и смех не приближались, оставаясь где-то в стороне, а скоро начали постепенно удаляться.

Иуда уже собирался снова сесть, когда неожиданно зашуршали ветви, раздвигаемые маленькой изящной ручкой, в просвете появилась девушка. Она отпрянула, увидев его, тихо вскрикнула. Это была Мирра. Они замерли, узнав друг друга. Иуда стоял перед ней, забыв снять руку с рукояти ножа, грязный, покрытый пылью, в разодранном, испачканном кровью хитоне. Облик его был страшен, только глаза из-под упавших на лицо прядей смотрели растерянно, почти моляще. С минуту длилось молчание. Мирра взглянула на спящего Шехема, снова на Иуду, приложила тонкий пальчик к губам, очаровательно улыбнулась и скрылась за ветвями. Ее шаги постепенно стихли.

– Мы пропали, – испуганно прошептал Шехем, пытаясь сесть.

Иуда не ответил.

– Она позовет сюда стражу! – в голосе юноши была почти паника

Старший лишь отрицательно покачал головой.

– Откуда ты знаешь? Она не могла не понять, кто мы...

– Молчи! Она не станет никого звать, никому ничего не скажет.

– Почему ты так уверен? Кто она? Ты ее знаешь?

Иуда молча опустил на траву и закрыл лицо руками.

2

На город спускались сиреневые сумерки.

Иуда стоял в тени колоннады Иродова дворца. Прохожие с удивлением смотрели на неподвижную фигуру, впившуюся глазами во что-то далекое. Иуда их не замечал. Он не видел ничего вокруг, кроме дальнего ярко освещенного окошка на втором этаже дома торговца Исаака. Это было ее окно – Мирры. После той встречи в саду Предместья Иуда думал о ней непрерывно, клял себя, с жаром хватался за дела, но не думать не мог.

И вот он снова был здесь – недалеко от ее сада, пропахшего гранатами и миртом.

Всю неделю этот дом за невысокой белой оградой притягивал его, как магнит. Иуда часами стоял здесь по вечерам, глядя на ее силуэт в окне. Он знал, что не должен этого делать. Но впервые в жизни не мог справиться с собой. Он хотел ее видеть... И в то же время хотел бежать за тысячи стадий отсюда... Тело не повиновалось разуму. А разум кричал: «Уймись, безумец! Ты не смеешь! Ты дал клятву! Ты не имеешь права любить!».

Ночь широким жестом накрыла Иерусалим. В небесах зажглись далекие звезды. Иуда стиснул руки так, что ногти впились в ладони.

– Господи! Зачем? Ты испытываешь меня? Но любовью нельзя испытывать, она сильнее нас! Что мне теперь делать, Боже Праведный?

Надо было уйти отсюда. Иуда понимал это, но не мог. Ему хотелось одного – остаться здесь, умереть под ее окном. Не в силах больше бороться с собой, он медленно направился к ограде. «Увижу ее в последний раз! Мне возврата нет!».

В доме было до странности тихо. Иуда осторожно перелез через забор, осмотрелся. Убедившись, что его никто не может видеть, он подошел к высокому гранатовому дереву, ухватился за нижние ветви, но тут же отпустил их. «Боже Правый! Что я делаю! Я с ума схожу?!». Ее окно тихо светилось. Застыв, словно изваяние, Иуда смотрел на него.

Лунные лучи, рассыпавшиеся у его ног серебристыми бликами, вернули его к действительности. Тяжко вздохнув, он с усилием отвел глаза и направился к ограде. Ветви мирта печально зашелестели, словно прощаясь, когда он начал перелезать через нее.

– Иуда!

Он обернулся. Мирра стояла под гранатовым деревом, ярко освещенная луной.

Иуда прыгнул обратно, сделал несколько робких шагов.

– Мирра! Ты здесь?

– Где же мне быть?.. Здесь мой дом... Это я должна спрашивать, зачем ты всю неделю бродишь вокруг.

– Господи! Ты видела?

– Конечно! Зачем ты здесь, Иуда?

– Я... пришел благодарить тебя.

– За что?

– Ты не выдала нас тогда в саду. Мы обязаны тебе жизнью.

– Господи! Да мне и в голову такое не пришло!

– Я знаю. Именно за это... И за то, что ничего не спрашиваешь...

Она не ответила. Повисла пауза. Молодые люди молча смотрели друг на друга

Лунный луч скользнул по волосам девушки, вызолотив их. Она закрылась рукой от яркого света. Иуда опустил голову.

– Я... пойду.

– Постой! Ты так просто уйдешь? Ничего не скажешь мне?

– Что я должен сказать?

– Сам знаешь! Ты не благодарить пришел сюда.

– Я не понимаю, о чем ты, – Иуда отвернулся.

– Тогда, если не хочешь говорить, вырви свои глаза, чтобы они не смотрели на меня так!

Зачем ты пришел, а теперь малодушно хочешь бежать, так и не сказав?..

Иуда замер, боясь обернуться.

– Мирра... Пожалуйста, не надо! Я уйду сейчас, ты больше меня не увидишь.

– Посмотри на меня, Иуда!

– Нет!..

– Взгляни на меня!

Иуда медленно повернулся. Их взгляды снова встретились.

– Ты и теперь хочешь уйти? – тихо спросила Мирра после долгой паузы.

Он молча опустил глаза. Она подошла ближе.

– Иуда, я знаю, мне нельзя вести себя так... нельзя говорить с тобой, нельзя даже думать о тебе... А я думала! Все это время думала... И теперь, когда ты так близко, у меня в душе проснулось что-то сильнее Закона, сильнее страха и стыда... Потому я и не смогла молча смотреть, как ты уходишь... Я понимаю, что ты боишься мне сказать... Только я уже все прочла в твоих глазах... Осталось лишь произнести... Слышишь! Не молчи, Иуда... Поздно! Твои глаза слишком ясно говорят о том, что в твоём сердце...

– Нет!.. – отпрянул Иуда.

Он снова хотел броситься прочь, Мирра схватила его за руку.

– Зачем лжешь? Твой взгляд не согласен с губами!.. Посмотри, я забыла и стыд, и скромность, и обычаи, потому что только тебя вижу, одного тебя помню... Что же ты никак не решишься сказать? Для чего мучаешь? Ведь ты... ты... ты любишь меня...

– Нет! Нет!.. – Иуда вырвал руку. – Нет! Я...

– Что?

– Я... хотел...

– Что?

Он снова отвернулся, сделал несколько нетвердых шагов к ограде.

– Уходишь? Думаешь, сможешь уйти?

– О, Господи! Нет!.. Я... я люблю тебя... Я люблю тебя, Мирра!

Иуда упал к ногам девушки. Его плечи затряслись от рыданий.

Он разжал руки, обнимавшие ее колени, провел рукой по лицу, с удивлением посмотрел на мокрую ладонь. «Я плачу?..».

– Иуда!

Он медленно поднял голову.

– Иуда! – повторила она, протягивая к нему руки.

– Нет! – отстранился он. – Не прикасайся ко мне! Я не стою нежности твоих пальцев!..

Прости! Прости меня, родная!.. Прости за то, что... Я не должен был приходить!

– Иуда, я... хотела, чтобы ты пришел, я ждала тебя...

– Нет!.. Только не это, Господи!

– Почему? Ты всю неделю боролся с собой, чтобы не прийти, а я – чтобы не окликнуть тебя... И не смогла...

– Господи! Зачем? Мирра! Лучшее, что ты можешь сделать – тотчас же прогнать меня и забыть как можно скорее! Прошу, отпусти! Позволь мне уйти! Так надо!

– Ни за что!.. Я не отпущу тебя. Почему? Зачем я должна гнать от себя того, кого...

– Нет! Не говори! Не надо!

Снова повисло молчание.

– Мирра! – глухо заговорил, наконец, Иуда. – Гони от себя эту мысль! Не надо давать ей воли! Я не могу быть... Я не стою тебя!

– Не смей! Мы созданы друг для друга! Слышишь, Иуда, я верю в это, как в Господа нашего! Сама судьба свела нас в тот вечер...

– Наша встреча – ее издевка. Только в насмешку могли пересечься наши дороги.

– Я не понимаю... Ты сказал, что любишь меня...

Согнувшись, Иуда закрыл лицо руками.

– Да! Да! Люблю! Всем сердцем люблю! Но упаси тебя Господь от моей любви!

– Но почему?

– Да потому что я... Нет! Ты не должна слышать этого! Позволь мне уйти!..

Она опустила на колени, взяла его за руки.

– Мирра!..

– Иуда! Не мучай меня! Прошу, расскажи мне все! Объясни, чего ты так боишься! Ты говоришь «прогони». Но как, если только сейчас, когда ты так близко, я поняла, что такое счастье? Говоришь «забудь»... Но я не могу! С той нашей первой встречи не могу, словно ты околдовал меня!

Он мягко освободил руки, с мукой глядя на девушку. Молчание затянулось.

– Хорошо! – тяжело произнес, наконец, Иуда. – Я все расскажу, чтобы ты скорее забыла меня, чтобы имя мое стало тебе ненавистно. Встань, прошу! Это я должен целовать прах под твоими ногами.

Они поднялись на ноги. Иуда чувствовал, что весь дрожит. Он отошел на несколько шагов, чтобы не поддаваться искушению поцеловать ее перед признанием. Мирра молча смотрела на него, прислонившись к стволу граната.

– А теперь выслушай меня. Мирра, любимая... Ты – словно ангел, посланный мне, чтобы я ослеп от сияния твоих глаз и прозрел снова. Только... поздно! Слишком поздно! Я... Что же я натворил!.. Я так виноват! Я благословляю и проклинаю тот вечер, когда на улице заговорил с тобой... Я не должен был!.. Но теперь уже ничего не исправишь. И если сейчас здесь мы вдвоем и сказали друг другу слишком много... гораздо больше, чем следовало бы... Значит, мне придется сказать еще больше, чтобы ты навсегда вычеркнула меня из своей жизни, из памяти... Потому что так надо!.. Мирра, я... Господи, как перед тобой мне произнести это?.. – он протянул к ней руки ладонями вверх. – Видишь? Смотри внимательно! Это – руки... убийцы! Взгляни: ладони отполированы рукоятью ножа, на пальцах мозоли от долгих тренировок... А знаешь, сколько на них крови?! Да! Крови, Мирра! Я ведь не просто нищий бродяга, каким, наверно, показался тебе тогда... Я – зелот!.. Бунтовщик, и преступник! Четыре года назад я бросил дом, семью, спокойную обеспеченную жизнь ради иллюзий, ради мечты, в которую верил, ради свободы и мира моего Израиля... Я ведь богат, Мирра... богат и знатен... Хотя, это все в прошлом. Отец – книжник Никодим из колена Левина – выгнал меня из дома и лишил наследства за то, что я вступил в братство сикариев... Ты, наверно, наслышана о нем... Нас называют святыми убийцами, борцами за свободу... Свобода!.. Свободно всадить нож в грудь врага или предателя – это мы умеем!.. Сказать нужные слова, чтобы воодушевить толпу на очередной бессмысленный бунт – тем паче! Умеем! Кто лучше, кто хуже... Я – очень хорошо! Но это все ложь, Мирра – не бывает святых убийц! Невозможно нарушать заповеди, оставаясь праведником... «Не убий» – заповедовал Всевышний Моисею, и преступить это – страшный грех, страшная ноша!.. А я... Слишком много раз я нарушал эту заповедь!.. Это ужасно – вспоминать лица своих жертв!.. Понимаешь, любимая!.. Ты теперь все понимаешь, да? Мне даже смотреть на тебя нельзя, приближаться к тебе! А я... Я с ума сошел, когда увидел тебя! Я виноват! Кругом виноват – перед тобой, перед своими товарищами... Я дал обет не прельщаться женской красотой, но ты... Мои товарищи убивают тех, кто сотрудничает с римлянами, таких, как твой отец... А я люблю тебя... Люблю так, что сердце готово разорваться от этой сладкой муки... Господи! Что же ты делаешь с нами?! Зачем?.. Вот так... Теперь ты знаешь, почему мы... почему я...

Он склонил голову, словно ожидая приговора. Мирра молча смотрела на него. Пауза затянулась невыносимо.

– Мирра! Я не хотел!.. Я не знал, что так получится! Я думал, что... Я желал только добра людям и нашей Родине! А получилось, что я стал палачом, буревестником для своего народа, приношу лишь горе и беды! Но что мне делать? Я связан с ними! Я поклялся!.. Что же мне делать?! Я не знаю!.. Я совсем запутался!..

Девушка по-прежнему хранила молчание, не сводя с него глаз.

– Мирра! Не молчи, прошу тебя!.. Если хочешь, чтобы я ушел... если ненавидишь, презираешь – так и скажи! Если я должен здесь же пронзить себе грудь или отдаться в руки римлян – скажи! Я сделаю!.. Только не молчи! Твое молчание хуже всякой пытки!

– Что я должна тебе сказать? Какого слова ты ждешь от меня? Чтобы я судила тебя? Как я могу? Какое право имею? Разве я знаю, как живет Израиль, вижу страдания людей и жестокость римлян? Нет! Не мне судить тебя! И за что? Или ты не хотел добра? Разве не бросил богатую безмятежную жизнь ради борьбы за свою Родину?.. Ты говоришь, что ошибся. Но я вижу человека, душа которого прекрасна, словно ангелы небесные. А ты твердишь о ненависти, о смерти. Нет, любимый! Господь соединил наши души! Он определил нам встретиться и быть вместе. Мне не важно, кто ты, Иуда!.. Я люблю тебя.

– Мирра! Любимая! Родная моя!.. Ты не должна так говорить! Ты не должна любить меня! Я могу принести тебе только горе! Мой путь во тьме по краю бездны... А ты должна быть счастлива! Но со мной это невозможно!

– Иуда! Я могу быть счастлива только с тобой! Разве Всевышний не милосерден, что позволил нам встретиться лишь на страдание? Нет! Я верю в благодать Его и потому не боюсь! Не говори больше ничего! Будь, что будет! Я твоя, твоя навсегда, любимый мой!

Иуда снова упал ей в ноги.

3

Тяжело отдуваясь, Товия отшвырнул последний камень, выбрался из-под низкого свода, протянул руку товарищу. Иуда словно не заметил руки, вылез, начал отряхиваться.

– Ох! Хвала Всевышнему! – шурясь от яркого света, галилеянин радостно вдыхал свежий воздух. – Как хорошо, что мы выбрались. Я думал, этому тоннелю не будет конца. Откуда ты его знаешь, Иуда?

Он не ответил, огляделся, повернулся к Товии. Его лицо было мрачно.

– Ты чего? Что-то не так? – удивленно спросил галилеянин.

Иуда снова не ответил, пошел вперед, прочь от городской стены.

– Куда ты? – бросился за ним Товия.

– Здесь недалеко дорога на Иерусалим. Вон за теми холмами, видишь? На ней просто смешаться с толпой, через день придешь куда нужно.

– Я? Подожди, а ты? Куда ты собрался?

– Оставь меня!

– Иуда, что случилось?

– Ничего.

– Нет, подожди. Что произошло?

– Сказал же, ничего. Мне надо остаться одному. А ты иди.

Иуда зашагал прочь. Галилеянин догнал его, схватил за локоть.

– Что с тобой?

– Спрашиваешь, что со мной?

Иуда резко обернулся, вырвал руку, его глаза сверкали. Товия отпрянул.

– Хочешь знать, да? – наступал на него товарищ. – Ты лгал мне! Старейшины тоже!

– Что?! Да как ты можешь!..

– Я могу? Помнишь наш разговор в харчевне у Симона, когда ты пришел звать меня в братство? Ты сказал тогда: «Мы готовы пожертвовать жизнью во имя нашей цели, мы не щадим себя». А потом, когда я готовился принести клятву, это наперебой повторяли Иорам и все остальные...

– Конечно. Это правда.

– Правда?! Вы говорили, нужно жертвовать собой, я к этому был готов, но не другими!

– Я не понимаю, Иуда.

– А то, что произошло в городе! Площадь была залита кровью, усеяна телами! Это тоже во имя великой цели?

– Конечно!

– Но эти люди... Там были женщины, дети. Большинство из них даже не поняли, что произошло. Зачем они погибли?

– Это война, Иуда.

– Тогда почему мы живы?!

– То есть... как это?

– Мы начали все это, мы кричали на улицах: «Смерть поработителям» и вели безоружных людей против легионеров! А потом, когда сражение было проиграно, вы первые сказали: что пора уходить.

– И что же?

– Наше место было там – в первых рядах, где погибали люди, которых мы толкнули на смерть!

– Ты и был в первых рядах, ты сражался до конца, как подобает zeloty!

В глазах Иуды вспыхнула ярость.

– Спасибо! – саркастически произнес он. – Похвала из достойных уст! А вы?

– Ты обвиняешь нас в трусости?

– Нет! В лживости.

– Не смей! Что ты себе позволяешь?

– Не нравится правда, Товия? Хорошо, я замолкаю. Все же ты спас мне жизнь сегодня, хоть я и не просил.

Галилеянин некоторое время пристально смотрел на товарища. Потом мягко положил руку ему на плечо.

– Иуда, ты беспокоишь меня последнее время. Сначала ты заспорил с Михаилом, потом отказался выполнить приказ старейшин. Что с тобой происходит?

– Ты же не хотел продолжать разговор, – Иуда сбросил его руку.

– Я пытаюсь понять...

– Нет. Если бы так, я договорил бы до конца.

– Ты говоришь ужасные вещи! И все это неправда!

– Ах, вот так! – губы Иуды искривила презрительная усмешка. – Стоило начинать разговор! Что ж... пора – Самуил и Анания ждут.

– Тогда идем.

– Говорю же, оставь меня. Иди.

– А ты?

– Я хочу остаться один, – он жестом остановил возражение. – Не бойся, я не наделаю глупостей. До встречи.

– Когда ты придешь?

– Когда-нибудь.

– Но...

– Прощай...

Ничего больше не слушая, Иуда быстро зашагал к серым скалам, маячившим на горизонте. Некоторое время Товия смотрел ему вслед, потом вздохнул, и направился к иерусалимской дороге

4

Кувшин с вином был уже наполовину пуст. Иуда задумчиво смотрел на языки пламени в очаге и не замечал пристального взгляда Симона.

– Ты молчалив сегодня, друг мой, – трактирщик решился, наконец, нарушить тишину. – Что-то случилось?

– А? – обернулся Иуда. – Много чего случилось, Симон. Поверь, у меня хватает причин для раздумий.

– Охотно верю. Но сегодня все-таки праздник – День Очищения³⁵.

– Помню. Только я этого не чувствую.

– Ох, Махайра, что-то с тобой не так! Я давно не видел на твоём лице улыбки.

– Да? А мне кажется, я часто смеюсь.

– От твоего смеха либо плакать хочется, либо кровь стынет в жилах. С тех пор, как ты ушел в это проклятое братство, ты сам не свой.

– Симон! Мы же условились не говорить об этом.

– Да... Но что мне делать, когда ты приходишь и молчишь?! За целый час ни слова! А седые нити в твоих волосах, морщины на лбу! Это в двадцать-то три года! А это! – Киренеянин ткнул пальцем в кувшин.

– Верно, – грустно усмехнулся Иуда, – я нарушил запрет... А-а, к мастеме³⁶! Я совершил более страшное отступничество.

– В чем дело? – испуганно спросил трактирщик.

– Не важно. Все, Симон, хватит об этом! Расскажи, лучше, какие новости в Иерусалиме.

– Как знаешь, Иуда... Ох, только Господь разберет, что же ты за человек!

Он лишь грустно улыбнулся в ответ.

– Я слушаю, Симон.

* * *

На рассвете трактирщик осторожно откинул полог. Иуда спал, растянувшись прямо на полу. Кувшин был пуст. Киренеянин несколько секунд молча смотрел на спящего, потом вздохнул и тихо склонился над ним.

– Вставай, Махайра.

Он тронул Иуду за плечо. Тот перехватил его руку, резко выкрутил.

– Ай! Осторожно!

Иуда отпустил его, трактирщик отступил.

– Чуть руку мне не сломал! Что это с тобой? – обиженно спросил он, растирая кисть.

– Прости, Симон! Со сна показалось. Никогда больше так не подкрадывайся ко мне.

– Да уж, не буду! Ты просил разбудить пораньше.

Иуда огляделся.

– Верно. Уже рассвет. Спасибо.

– Есть хочешь?

– Нет! Ты накормил меня на неделю вперед. И напоил.

³⁵ Симон говорит о празднике Йом-Кипур, который так же называют «День Всепрощения», «День покаяния», «Судный день», «Суббота из суббот». В иудаизме самый важный праздник, день поста, очищения и отпущения грехов, завершает десять дней покаяния. Согласно Талмуду, в этот день Бог оценивает жизнь человека за весь прошедший год. Отмечается в десятый день месяца тишрей – первого месяца еврейского календаря, соответствующего сентябрю – октябрю и зодиакальным Весам.

³⁶ **Мастема** (ивр. mastemah – противоречие, враждебность) – демон, часто отождествляемый с Сатаной. В свитках Мертвого моря выступает как верховный демон. Является демоном вражды и раздора.

– Ну, уж, это ты сам!
– А зачем ты мне его принес? Знаешь же...
– Ты просил. Мне нет дела до ваших запретов.
– Да? Спасибо, Певец вина. Я кругом в долгу у тебя. Где еще меня так сытно накормят?
– О, об этом я не беспокоюсь, Иуда! Заработать на хлеб ты всегда сможешь. Меня волнует другое.
– Что же?
– Как дальше? Ты возвращается в братство?
– Симон! Я же просил!
– Помню! Но не могу я спокойно смотреть на тоску в твоих глазах! Ведь что-то не так с тобой, я точно знаю.
– Да не лезь ты мне в душу, ради Бога! – Иуда отвернулся, провел руками по лицу. – Симон, не надо, пожалуйста! – удивительно мягко, почти ласково произнес он. – Если мне понадобится выговориться, я приду к тебе первому, ведь ты – мой самый верный друг. А пока никаких распросов, прошу тебя! Я сам во всем разберусь.
– Хорошо, я понял. Прости меня!
– Ничего. Ладно, дай воды, и я пойду. Мне пора.
Сборы были недолгими. Иуда решительно отверг котомку с едой, напился воды и направился к выходу. На пороге он остановился.
– Извини, если был резок. Не хотел тебя обидеть.
– Я понимаю! Махайра ты и есть – твой учитель был прав. Знаешь же, на тебя я не обижаюсь. Когда мы увидимся?
– Наверно, скоро, если я тебе еще не надоел.
Киренеянин возмущенно хмыкнул.
– Когда?
– Бог знает! Но ты же всегда меня ждешь.
– Конечно... мальчик мой.
– Симон! – голос Иуды дрогнул, он крепко обнял толстяка. – Старый ты Силен! Ну подумай, зачем я тебе нужен – одни лишние заботы и печали на твою мудрую голову?
– Перестань! Я же говорил, ты мне как сын, Иуда. Заботы, печали... Да что бы я без них делал! Только ты один и скрашиваешь мою жизнь – так хорошо знать, что хоть кому-то на свете нужен...
Иуда быстро отвернулся.
– Конечно, нужен, – улыбнулся он. – Я приду... как смогу. До встречи. Спасибо за все.
– Не за что. До встречи, Иуда. Храни тебя Бог!
Он долго смотрел вслед молодому человеку, пока тот не смешался с толпой, потом вздохнул и с грустной улыбкой настезь распахнул дверь харчевни.

5

Убежища Иуда достиг при наступлении темноты. Его окликнули, он назваля. Из мрака раздался удивленный возглас.

– В чем дело? Меня не ждали? – подойдя ближе, молодой человек рассмотрел часового и узнал идумея Симона

– Наоборот, очень ждали. Где же ты был целую неделю?

– Тебе какое дело? Может, я все-таки войду?

Каменотес отступил, открывая проход. В лицо Иуде ударил чад светильников, он спустился по лестнице, на последней ступеньке обернулся к Симону.

– Тебе приказано предупредить, как только я появлюсь?

– Нет. Но тебя ждут.

– Странно... Ладно, разберусь. Кстати, холодает – не мешает тебе одеться.

Пройдя несколько шагов в полумраке пещеры, Иуда остановился в сомнении. К кому идти – фанатику Иевораму, улыбочивому хитрецу Натану, прямолинейному Михаилу, или к самому Иораму, чье лицо всегда непроницаемо, как маски греческих актеров? Вокруг по-прежнему никого не было, словно все убежище спало глубоким сном. Иуда шагнул на свет.

– Долго будем играть в прятки? Меня ждали – я пришел.

Из темноты возникли две молчаливые фигуры.

– Анания! Рад, что ты цел и невредим! – коротко кивнул он старшему, маленькому белесому человеку с угольно черными глазами. – А это кто? А-а, рыжий Бар-Абба. Приветствую вас.

Второй – угрюмый рыжебородый верзила – гневно засопел, двинулся к молодому человеку, но Анания успокоительно коснулся его руки. Бар-Абба отступил.

– Здравствуй, Иуда. Хорошо, что ты вернулся. Мы беспокоились.

– Не стоило.

– Ты пропал две недели. Мало ли что...

– Уйми свою подозрительность, Анания. Для нее нет никаких оснований.

– Надеюсь, что так. Впрочем, ты вернулся и не таишься. Это уже хорошо.

– Я не собирался таиться. Напротив. Я хочу поговорить со старейшинами.

– Со старейшинами? У тебя какое-то дело?

– Да. У меня есть вопросы, хотел бы получить ответы. Я имею право на это.

– Иуда, не тебе решать, на что у тебя есть право.

– Вот как! Значит тебе?

– И не мне. Но не забывай, я старше тебя.

– Помню. Так что же?

– Ты понимаешь, что твоя просьба – дерзость.

– Почему? Я член братства, как ты, как они. Мы все приносили одну и ту же клятву. По какой причине старший брат может отказать в разговоре младшему?

Повисло молчание. Иуда смотрел на Ананию. Тот размышлял.

– А если ты получишь отказ? – наконец спросил он.

Губы Иуды искривились в презрительной усмешке.

– Зачем же мы будем отказывать брату в такой малости? – раздался из темноты мягкий, хрипловатый голос.

Все обернулись. Перед ними стоял руководитель братства Иорам. Анания и Бар-Абба почтительно поклонились, Иуда лишь едва склонил голову. Иорам пристально смотрел на него. Лицо наставника, как всегда, казалось маской, но взгляд темных глаз был пронзителен.

– Ты слишком суров к юноше, Анания. Он молод, впечатлителен. В его душе накопилось много разного, он хочет выговориться. Кто поймет его лучше, чем наставник?

– Но равви, он в последнее время очень странно ведет себя. Я подумал...

– Тем больше у нас причин для беседы. Идем, – кивнул он Иуде.

В келье Иорама чадил единственный светильник. Дав молодому человеку время оглядеться, наставник жестом предложил ему сесть на охапку соломы, составлявшую все убранство комнаты. Иуда молча последовал приглашению. Не сводя с него внимательного взгляда, Иорам устроился напротив прямо на полу.

– Хорошо, когда желания совпадают, Иуда. Я тоже собирался поговорить с тобой. Товия рассказал мне, что случилось в Кумране³⁷, и о вашей беседе у городской стены. Ты знаешь – он слишком поддается эмоциям. Я мало что понял, хочу услышать твою версию.

– Версию чего?

– О событиях в городе можешь не говорить. Самуил и Анания дали мне вполне ясную картину. Должен отметить, ты проявил себя превосходно. Мы гордимся тобой, брат.

– Подобную похвалу я уже слышал недавно, – с печальной усмешкой ответил Иуда. – Не скажу, что она меня радует.

– Почему?

– Тому много причин. Об этом я и хотел поговорить, равви.

– Ну что ж... я слушаю, и готов ответить на твои вопросы.

– Значит, я могу говорить с полной откровенностью и рассчитывать на то, что получу ясные ответы?

– Это странный вопрос, Иуда.

– Увы, я уже убедился, такой разговор здесь чаще всего не слышат, еще меньше понимают и хотят поддержать.

– Хм...

Иорам поднялся, подлил масла в светильник. Тот ярко вспыхнул, выхватывая из темноты все углы крошечной кельи наставника.

– Конечно, говори откровенно, я рад буду ответить тем же.

– Благодарю. – Иуда глубоко вздохнул, провел руками по лицу. – Равви, вы сами позвали меня в братство. Юношу из знатной, богатой семьи, о котором вы ничего не знали. Я высоко оценил это доверие...

– Ты вполне оправдал его. За эти годы ты оказал братству немало услуг. Мы ценим тебя как превосходного бойца, организатора, а главное – верного и надежного товарища. Но Анания прав: ты всегда выделялся среди твоих братьев, а в последнее время ведешь себя совсем странно. Что происходит, Иуда?

– Я хотел задать тот же вопрос, равви.

– Объясни!

– Я пришел в братство, потому что моя душа болит при виде горестей Израиля, а гордость стонет от унижений, которым нас подвергают римляне. Я искренне дал клятву и готов принести себя в жертву на благо своему народу и Родине. Я верил в то, что наш путь – единственно правильный. А теперь я чувствую себя обманутым.

– Кем обманутым?

– Вами.

– Что?! – Иорам вскочил.

– Ты сказал, что выслушаешь меня спокойно, равви.

³⁷ **Кумран** – поселение на одноименном сухом плато на западном берегу Иордана, в полутора километрах от северо-западного побережья Мертвого моря. Было основано примерно во время правления Иоанна Гиркана (134–104 годы до н. э.). Точный характер поселения до сих пор не установлен. Ученые предлагают разные гипотезы: центр религиозной общины ессеев, вилла, хасмонейский форт, коммерческий центр. Я склоняюсь к последней.

– Да... Хорошо, – глубоко вздохнув, наставник очень медленно сел обратно. – Но ты должен объяснить!..

– Равви, вы научили меня владеть оружием, чтобы защищать Израиль, сражаться против его врагов. Так?

– Конечно.

– Почему же получается наоборот? За эти годы я видел, что мы приносили лишь смерть и горе. Римляне презирают, а не боятся нас... Соотечественники опасаются, не доверяют, а подчас и ненавидят, потому что от нас одни несчастья.

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Слишком хорошо. Иорам, скажи честно, за все годы, что существует братство, мы добились хоть чего-нибудь?

Наставник встал и резко отвернулся, прислонившись к стене.

– К великой цели не дойти короткой дорогой, – не оборачиваясь, заговорил он после паузы. – Мы заставили римлян считаться с нами, мы показали, что Израиль не оскудел верой и мужеством. Мы охраняем чистоту Закона.

– Красивые слова! Но я больше не верю в них.

– Не веришь? – наставник снова сел, прожигая собеседника взглядом. – Иуда, это отступничество!

– Нет, это прозрение... Иорам, того пылкого юноши, который пришел сюда воодушевленный, полный радужных надежд и веры, больше нет.

– Что же случилось?

– Прошло время, и для меня оно было горьким. Помнишь мое испытание кровью?

– Да. Ты замечательно прошел его.

– Тем хуже! Мне было очень трудно, потому что перед глазами все время стояла заповедь Моисеева. Однако я преодолел себя... ради того, во что верил, ради вашей «великой цели». И теперь так жалею об этом!..

– Жалеешь? – Иорам заговорил таким тоном, будто увещевал новобранца, пожелавшего присоединиться к братству. – Иуда, ты – один из лучших, хотя так молод! В первый раз всегда трудно... Конечно, Заповеди никто не отменял. Но вспомни, что Всевышний приказал Моисею, когда привел его на нашу землю и повелел биться с амаликитянами³⁸.

– Помню. Это была война на выживание нашего народа. Хотя... да простит меня Господь, я не убежден, что невозможно было иначе. И за все эти годы я так и не приобрел уверенности, что поступал правильно, что имею право оборвать чужие жизни. Не слишком ли много мы на себя берем, равви?

– Иуда, если ты не был уверен, как мог действовать? Ты ведь выполнял наши приказы и не отступал.

– Отступал и отказывался. Тебе ли не знать?

– Конечно, знаю! Несколько раз ты отказался наотрез. Я считал это просто блажью впечатлительного юноши, думал – пройдет.

– Блажь?! Нет! Какой бы великой ни была цель, убийство – всегда убийство. В Законе не бывает исключений, ради любой цели нельзя топтать чужие жизни! Вы сделали из меня отменного убийцу, Иорам!

Наставник вспыхнул, но снова справился с гневом и ответил ровным голосом.

– Мы сделали из тебя воина, настоящего борца за свободу Израиля.

³⁸ **Амаликитяне** – древнее племя семитского происхождения, кочевавшее в степях каменистой Аравии на юге от Палестины. По Библии, они были первым народом, напавшим на вышедших из Египта евреев. Затем, по приходе в Ханаан, евреи снова столкнулись с ними. Согласно Книге Чисел, Моисей, по повелению Яхве, проповедовал истребительную войну против амаликитян.

– Воины убивают врагов в бою, в честной схватке, а не из-за угла или впятером одного. Они не убегают, оставляя безоружных людей на растерзание.

– К чему ты клонишь?

– В Кумране мы сами подтолкнули людей к возмущению. Мы призывали их не смириться с попранием веры, они вняли призыву. И что же? Это восстание было безнадежным, ты прекрасно знаешь. Разве могут неорганизованные, почти безоружные люди устоять против римских легионеров? Конечно, нет. К тому же, к римлянам рано или поздно всегда приходит помощь. Так и было. Нас смели, расшвыряли, как котят. Так зачем это было нужно?

– Зачем защищать веру и сражаться с поработителями? – Иорам больше не сдерживал гнев, его глаза засверкали.

– Хватит красивых фраз! Ты прекрасно понимаешь меня, Иорам! Площадь в Кумране... она вся была залита кровью и завалена трупами, как и улицы. Ты видел когда-нибудь такое? Конечно, видел! Ты же участвовал в восстании Гавалонита! Вспомни, чем оно окончилось! А там... Там были женщины, дети, старики, просто попавшие легионерам под горячую руку! А потом римляне казнили еще пятьдесят человек. Распяли без разбора виновных и невиновных. Я сам видел эту аллею крестов, на одном из них был мальчик, которому не больше четырнадцати. И так случалось не однажды по нашей вине. Так зачем это? Ради чего умерли все эти люди? Ответь мне прямо!

Мужчины вскочили, застыли, меряясь взглядами. Вскоре Иорам отвел глаза.

– Я не понимаю, какого ответа ты требуешь от меня. Всякий, сражающийся за Родину и веру, должен быть готов к смерти. Всякий погибший – благословлен Господом нашим.

Иуда опустил голову.

– Этого я и боялся... Нет ответов... Боже!.. – он снова выпрямился. – Ну, хорошо, тогда скажи, почему мы поспешили уйти, как только стало ясно, что дело проиграно? Мы толкнули людей на бойню и сбежали, спасая свои шкуры!

– А как, по-твоему, вы должны были поступить?

Наставник сел снова, скрестил ноги – он больше не пытался притворяться, наоборот, всеми силами показывал, насколько ему неприятен этот разговор.

– Остаться до конца и сражаться в первых рядах, не позволить римлянам обрушить свою ярость на невиновных. Мы затеяли возмущение – мы должны были ответить за него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.